

БЛИЗНЕЦЫ

В

ПРИЦЕЛЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Людмила Райкова

Людмила Райкова
Близнецы в прицеле

«Автор»

2026

Райкова Л.

Близнецы в прицеле / Л. Райкова — «Автор», 2026

Анатолий, вернувшийся с передовой СВО после ранения, впервые встаёт на костыли в родном городе. Несмотря на то, что все его близкие, кроме отца, не покидали Санкт-Петербург, никто не навещает его в больнице. Раньше он приезжал домой героем, но теперь чувствует себя изгоем, ведь по собственной глупости разрушил отношения с семьёй. В палате он знакомится с чехом, своим двойником, который не знает русского языка, но пользуется симпатией медперсонала. Оказавшись в глубокой депрессии, Анатолий решает обратиться за помощью к двоюродной тётушке, с которой не виделся более 20 лет. Именно тётя и загадочный двойник помогут ему разобраться в себе и попытаться вернуть семью.

© Райкова Л., 2026

© Автор, 2026

Людмила Райкова

Близнецы в прицеле

Глава 1

Костыли обычные, деревянные, стучали по полу так громко, что выработанные за два года навыки передвигаться бесшумно и невидимо, заставили сжиматься сердце так, что голова сама по себе втягивалась в плечи. И грозила провалиться между ними. Анатолия только вчера сняли с вытяжки, и он осваивал существование в вертикальном положении. Боль и ужас после ранения отпустили, и теперь, когда доктор объяснил, что ходить он будет на своих ногах, а если постареется, то и хромоты не останется, в голову сначала прокрались мысли о жене Дашке и официантке Алке. Эти самые мысли закручивались в спираль и вызвали настоящую цунами эмоций. Как же он теперь на костылях со всем этим будет разбираться?

Алка сама его выбрала, когда они с корешами отдыхали в прифронтовом городке. Закатились в кафешку вчетвером, чтобы обмыть пяточки первенца. Ещё бы, пацан родился богатырём, четыре килограмма шестьсот граммов! Он узнал новость, как только вернулся из разведки. Командир дал отпуск встретить из роддома жену. Уехать он собирался на рассвете, а остаток дня и вечер отвёл под праздник. Надо проставиться однополчанам. Дашку знали все. Прикатила почти на ленточку на шестом месяце со своим пузом и результатом УЗИ. Не хотела одна узнавать кто у них, мальчик или девочка. Конверт вскрыли в номере гостиницы. Он тогда завопил от радости – пацан! Ребята были рядом, тоже ждали, принялись хлопать его по плечу, обнимать, а пузатую Дашку схватили и ликуя принялись подбрасывать вверх. Тогда их было пять. Из тех пяти один не дожил до Дашкиных родов. Единственный среди них холостой. У двоих уже были дети, третий собирался жениться, нашел свою половинку прямо здесь в прифронтовой зоне и сладилось у них быстро, три дня из номера не выходили, а на четвертый отправились в местный ЗАГС. Пацаны на фронте спешат жить, кто знает, как оно будет завтра.

Тук-тук, шварк. Тук –тук, шварк. Костыли постукивают, тапок опорной правой ноги шваркает, левая подогнутая, налилась кровью пульсирует. Но он все равно доберётся до цели, допрыгает до лестницы и покурит там в одиночестве. Подумает, как дошёл Анатолий Минский

до жизни такой. До большой любви и громадного предательства. Осколок угодил ему в ногу, а сам он ранил в сердце жену. Предал сына и их с Дашкой любовь не с бухты барахты, а проверенную шестью годами. Признанную родными с двух сторон. Скрепленную в ЗАГСе и освященную батюшкой за день перед отправкой на СВО. Его, Толика, мобилизовали по военной учетной специальности – водитель. Добровольцем тогда он бы не пошёл. Эта схватка из тыла видится по-другому. Это теперь он знает, что такое война и боевое братство. А тогда всё было по-другому. Собирался сменить машину, отправиться с Дашкой в отпуск в Турцию. Отвлечёлся – родители затеяли развод, а ему, взрослому и самостоятельному, они казались неразумными детьми, которые принялись бесконечно ссориться и делиться. Хуже всех в этом раздоре было младшему брату третьекласснику Мишане. Он притащил в квартиру собаку, и когда родители на повышенных тонах выясняли кто виноват больше, пёс принимался лаять, а Мишка рыдать. Они с Дашкой забирали Мишаню в пятницу к себе, а в понедельник отвозили прямиком в школу, чтобы родители от души насобачились за выходные. У них страсти улеглись. Мама нашла и привела в дом бой френда, отец женился. Мишка с собакой получают карманные деньги с двух сторон, благо живут в пяти минутах ходьбы. Городок то маленький.

Анатолий допрыгал до лестницы и замер перед дверью. Как её открыть? Руки заняты костылями, и чтобы всей конструкцией проникнуть на площадку, дверь надо придержать. Он хмыкнул – до ранения многое, данное кем-то свыше, он не ценил. Ходил, бегал, гонял на мотоцикле, прыгал, плавал. Казалось это естественно и так будет всегда. И Дашка будет и отец, готовый по первому зову во всём помочь. И сам он, высокий, подтянутый, крепкий, тоже будет радоваться скорости жизни и силе, назначенных судьбой баловню. Дверь открыл спиной, потом подпер её одним костылём и с поворотом переместил себя на площадку. Там поджидала новая преграда – ступени. А уже на подоконнике железная банка, полная окурков. И чья-то долговязая фигура тоже на костылях. Фигура с сигаретой его огорчила, сейчас начнутся вопросы где был, как случилось. А он собирался поразмышлять обо всём в одиночестве. Анатолий замер, привыкая к яркому свету дневных ламп, и дожидаясь пока перестанет кружиться голова. И только потом начал спуск.

Парень на площадке с разговором не полез, сдержанно кивнул, загасил сигарету, и достав новую, сначала чиркнул зажигалкой перед носом Анатолия, а потом молча прикурил сам. Они присели на подоконник, затягивались, и укутавшись дымовой завесой думали каждый о своем. О чём думал этот парень, Толик не знал, а сам он вспоминал Алку, невысокую с ямочками на пухлых щеках, цепочкой на шее и крестиком в ложбинке между грудями. Она бегала по залу с подносом, отвечала на шутки хмельных вояк. А те следили за её перемещениями. И только один из десяти не мечтал обнять и прижать к своей груди эту девчонку. Анатолий был как раз этим десятым, пока не перебрал. Что и как было потом, он точно не помнит. Проснулся в номере, а рядом она с размазанными глазами и спутанными волосами.

Алка провожала его до КАМаза. Попутная машина шла за снарядами в Москву, а он ехал встречать из роддома жену с сыном. Водитель пристально посмотрел, как Алка обвив талию Толика всем телом прижималась к нему, водила наманикюренным пальчиком по груди и шептала, что будет сильно сильно ждать. Столько сколько надо, бывает же так, встретишь своего единственного, такого сильного и надёжного, а ему уезжать. Сладкий елей, ядом проникал через уши куда-то внутрь, и в кабину забрался растерянный Анатолий. Водитель молчал часа три, а потом спросил:

- Мне сказали ты едешь жену из роддома встречать.

- Да сын у меня.

- А провожала племянница? – В голосе водителя сквознули ехидные нотки.

- Вроде того.

- Смотри папаша, их вокруг ленточки, как мух над патокой. Каждая мечтает стать вдовой героя. Небось не сказал ей, что ты новоиспеченный папаша.

- Не успел. – Признался Толик. Вчера познакомились.

Водитель кивнул. Дальше ехали молча. Анатолий хотел думать о сыне и Дашке, а предательская память подсовывала заспанную Алку, раскачивающийся крестик между грудями, когда она была наверху. И приоткрытые полные губы, с которых она постоянно что-то слизывала язычком. Дашка у него высокая поджарая, никаких тебе ямочек на щеках и сюсю-мусю. Алка казалась ему мягкой плюшевой игрушкой, оставленной под дождём на улице. И теперь, когда они преодолели 400 километров, она всё стояла перед глазами в своей короткой юбчонке и курточке и смотрела вслед машине. Анатолий даже в зеркало на двери посматривал, ждал может появиться этот силуэт ещё раз.

Отец не подкачал, купил и привёз всё, что нужно для младенца. Кроватку собрал, коляску и перевозку для младенцев в багажник сунул. Встретил его за 100 километров от Москвы. Довёз домой. Велел намыться, побриться, выспаться, чтобы завтра к 10.00 быть во всеоружии у роддома. О всяких букетах конвертах и конфетах для медперсонала он сам позаботится. Толик, перед сном листал снимки красного личика своего сына, которые Дашка делала при каждом кормлении и присылала. Перебирал крохотные чепчики, примерял их на свой кулачище и боялся первый раз встретиться с Дашкой взглядом. Он никогда ей не изменял, и теперь чувствовал себя каким-то грязным. А ночью прислала видеоролик Алка. Она сидела в неглиже с распущенными волосами, поводила голыми плечами и прошептала – думаю о тебе, жду тебя, любимый.

Сейчас на подоконнике в госпитале, он думает о чрезмерной заботе отца. Если бы с дороги он сам окунулся в заботы – собрать кроватку, нестись в магазины за подгузниками, распашонками и сосками, Алка на сквозняке забот мигом бы выветрилась. А получилось наоборот, став отцом в день выписки Дашки и Гордея из роддома, он должен стать хозяином этого праздника, продемонстрировать родне и друзьям – мол вот он я возмужавший повзрослевший беру ответственность за семью, за этот крохотный кулёк, перевязанный голубой ленточкой и за бледную Дашку - свою женщину. А он оказался гостем, ну почти как новоиспечённый отчим, который пришёл с матерью встречать её внука. Неделю он пробыл дома и не дома. В привычной до каждой мелочи квартире с водворением кроватки, коляски и горы причиндалов для младенца, всё изменилось. Дашка в халате со спутанными волосами, малыш на её коленях присосавшийся к груди. Это он теперь главный, даже пёс Патрон, которого сам Анатолий подобрал в разбитой деревне щенком и привёз домой, сидел не рядом с ним, а с кроваткой. Толик даже обиделся, и легко откликнулся на предложения кореша поехать в гараж, посидеть в баре потравить байки. Уезжал, оставляя Дашку, Патрона и Годейку, стараясь вернуться домой попозже, когда пса уже выгуляют, Дашка с сыном заснут. Он ждал, и неделя тянулась медленно, уезжал с облегчением, на день раньше. Мол неизвестно как там сложится в дороге, а на позицию надо вернуться вовремя. Дашка скрывала слёзы, и если раньше от влаги на глазах родной жены у него сжималось сердце, то в тот вечер он почувствовал только раздражение. Обнял супругу, сказал «ну-ну» и шагнул за порог. Первый, кого он встретил была Алка, кинулась к нему, обвила руками шею, заглянула в глаза и сообщила:

- Я скучала, а ты?

Надо было отстранить её, сказать, что та ночь была ошибкой, но он снял в гостинице номер и понеслось. Девчонка всасывалась в него как клещ, вместо крови, впитывала его мысли и занимала в голове всё больше и больше места. Ещё меньше сына, но столько же сколько и жена. И от этого соседства, ему одновременно было и сладко, и тошно. Это тогда, перед поездкой в роддом. А сейчас, здесь на лестнице, он сидел противный самому себе. Ребята после ранения его не забыли, звонили узнать, как дела. Они и сообщили что Алка нашла себе жениха, и вышла, как и планировала замуж. Официально. А Дарье о ранении и госпитале сообщил отец. Она выслушала и сказала:

- Не прощу!

За месяц, даже не позвонила ни разу. Как получилось, что он сообщил жене что разводится, встретил и полюбил другую? Не собирался и даже не думал. А сказал.

Этот момент он помнит хорошо. Алка рядом, пьёт шампанское, шепчет о любви и плачет, потому что узнала, что у Анатолия жена. И теперь ей хоть в петлю, родители строгие, осуждают за связь с женатым. Она подливала и подливала ему шипучки. А потом, когда Анатолий отлучился, взяла смартфон, и под снимком Гордейки, который тянет ручонку к красной погремушке, написала Дашке сообщение. «Люблю другую. Дай развод.» Дашка сама позвонила:

- Это правда?

- Что?

-То, что ты написал.

Хмельной Анатолий, под пристальным взглядом просмотрел сообщения всё понял, начал мямлить. А Алка громко и сладострастно позвала:

- Иди ко мне милый, скорее.

Да ещё громко чмокнула его в щёку.

Дарья отключилась и сразу заблокировала предателя. Остальное он узнал от отца.

Он сидел как замороженный на подоконнике. Здоровая нога затекла, а больную подогнутую покалывали невидимые иголки. Её бы надо положить горизонтально. Но Анатолий не трогался с места, сидел изваянием, а рядом с ним таким же изваянием, молча сидел второй.

Анатолий в очередной раз открыл крайнее сообщение от Дашки, на котором сын с округлившимися щеками тянет свою ручонку к красной погремушке. И сообщение: «Выбрал красную. Знаешь почему?». Тогда ещё жена считала, что их мысли на одной волне, а стремление в будущее, как и все шесть лет, идут параллельно. А уже через семь минут – именно столько разделяло время отправления снимка и звонок жены, всё разорвалось. В тот вечер он напился, Алка не отлипала ни на секундочку, плакала извинялась, называла себя дурой, но влюблённой.

Позже, уже через пять дней он вёз снаряды, за четыре года привык, что за спиной опасный груз, и как везти его, за чем следить знал точно. Но теперь в голове клубились две женщины с их словами жестами и улыбками. Дрон он увидел поздно, остановил свой КАМАЗ, юркнул под него, и в ожидании страшного вжался в землю. Кажется, что взрыва ждал как избавления от душевных терзаний и кары за предательство. Готов был принять неизбежное. Но оно не наступило.

Из этого рейса он вернулся целым и невредимым. Отказался ехать с друзьями в посёлок расслабиться. Согласился сходить с штурмами за ленту. А оттуда уже вернулся волоком на плащ-палатке.

Эвакуация, боли, уколы, операции отодвинули и приглушили его любовные страсти. Женщин он отпустил жить самих по себе. О будущем не думал. Лежал привязанный на вытяжке, боясь лишний раз пошевелится, чтобы кости не сместить. Тупо смотрел телевизор, почти не разговаривал с соседями по палате. Особенно о женщинах и детях. Иногда откликался на комментарии.

- Слышь Толян, израильтяне теперь в кафе и ресторанах на заказывают всякого слопают и дожидаются сигнала тревоги, чтобы сорваться не заплатив, и ринуться типа в убежище. Умеют устраиваться, даже под бомбежками найдут свой гешефт.

Толик представил себе сцену, как за щедро накрытым столом пожирает деликатесы семейство с тремя детьми. Толстая жена, лысый очкарик, две девочки близняшки и кучерявый паренёк их старший брат. Он уже икает от обжорства, и с сожалением смотрит на румяную куриную ножку. Ждёт, когда проголодается? Нет, ждёт, когда дадут сигнал тревоги, чтобы схватить эту ножку и ринуться на выход. Задерживать никто не имеет права, власти предписали с этими сигналами стремиться в укрытие в первые же минуты. Каждый из семейства уже

наметил халяву, которую в суматохе прихватит на вынос. Война, новые обстоятельства отменяют прежние правила. Не только в еврейском ресторане, но и в жизни.

Вот только эти обстоятельства меняются, и с тем отрезком времени без правил, придётся жить. И этот груз на душе будет потяжелее 50 килограммов снаряжения штурмов.

С последней, пятой сигаретой, Анатолий решил сделать первый шаг, чтобы попробовать вернуть Дашку. Попросил Маню навестить его и принести сигарет. Долго думал, как начать – тётя или баба. Он запутался в родстве с этой женщиной, на дачу к которой его часто возили школьником. Решил не заморачиваться, её все звали просто Маней, и взрослые и ребята. От госпиталя на Суворовском, до её дома на Петроградской, не так далеко. Он оденется, сядут в саду на скамейку с сигаретами, все расскажет, как на духу. Попросит совета и помощи. Добравшись до кровати, он наконец уложил больную ногу и принялся ждать ответа.

Глава 2

Маня эсэмэску увидела не сразу. Проснулась она в восемь от звонка. Соседка Аля умоляла её подняться на второй этаж, чтобы натереть спину. Маня быстро почистила зубы, сменила пижаму на домашнее платье, проглотила свои таблетки и стараясь не разбудить Глеба вышла в подъезд. У входа её уже поджидала чёрная как смоль кошечка Лора. Ещё бы, Маня всегда приносила ей штук десять сердечек-вкусняшек. Первую, Лора получала прямо в коридоре, а остальные уже на кухне на своей тумбочке.

Аля суетилась на кухне, убирала со стола запрещённые Мане продукты – печенье, сыр. И ставила графин с сырой водой и стакан. Традиционно проявила гостеприимство – может чайку зелёного. Маня, как всегда с укором посмотрела на соседку.

- Я ненадолго, на одну сигаретку, потом намажем и укутаем твою спину, и обратно.

Ненадолго у Али никогда не получалось, она умело удерживала в своих сетях кого угодно, и ровно столько, сколько сама пожелает. Сначала переключила свой сериал на новости. Доня выступал с обращением к американской нации. Говорил, что в Иране он уже всех победил, а что касается пролива, то американцам он практически не нужен. Теперь пусть европейцы отвоевывают его у персов сами. Или сидят без бензина и света.

- Что там твои латыши думают?

Интересуется Аля. Маня объясняет, что за них давно думают власти, и там всё как у нас, народ и парламент живут параллельно. В Латвии народ радуется бедности своей страны, потому что беженцы не задерживаются, оценив размер пособий, мигром срываются с места, чтобы рвануть в богатую часть Европы. Цены конечно подросли, это Маня и по своим платежкам на коммунальные услуги знает. А так сейчас, наверное, поливают рассаду, готовятся сажать картошку, выращивают гусят, выкармливают свиней. Латыши от земли никогда не отрывались. Привыкли жить своим хозяйством, много работать и в политику не лезть. Наелись, когда ходили в живую цепь, отделяясь от Советов. Присланные из Америки власти, говорили с экрана о свободе, возвращали собственникам национализированные дома, заводы и земли. И пока не закрывали русские школы, народ оставался зрителем. А потом пришлось делать выбор. Кому было куда или к кому, отправились в Россию, другие рванули горничными, кассирами и сиделками в Германию, Англию, Швецию. А теперь что? Снявши голову по волосам не плачут.

- Как ты думаешь, русские латыши пойдут на фронт, чтобы убивать русских?

Маня пожимает плечами, она не хочет втягиваться в дискуссию. Но ответ сам срывается с языка.

- Фамилия министра обороны на Украине, Фёдоров. А план убивать каждый месяц по 50000 русских обнародовал. Наверное, дело не в национальности, а в предательстве.

Слышала Дерипаска предложил перейти на шестидневную рабочую неделю по 12 часов. Маня слышала, четвёртый день благосвера обсуждает эту новость. Как будто поговорить

больше не о чем. Даже записные аналитики не додумались спросить, не хочет ли олигарх вернуть стране и народу прихватизированное, и самому стать к станку на одном из оборонных заводов. Ведь это их стараниями страна втянута в войну. И ещё вопрос, на чьей стороне играют эти миллиардеры. Страна уже разделилась на белых и красных, только в телевизоре пританцовывая с микрофонами делают вид, что на просторах отечества ударными темпами строится капитализм с рабовладельческим лицом.

Пока Аля, как шараду разгадывала её сентенцию, Маня услышав пиканье выудила айфон. Это в МАХсе на очередной подписке она забыла отключить уведомления. Долго искала синюю точку и поражалась, каким длинным стал список подписчиков. Она уже пыталась удалить не нужные, но МАХ упирался изо всех сил. Продолжая листать не нужные каналы, Маня тянула время, чтобы не втянуться в дискуссию с соседкой и сразу, как только та загасит сигарету, заняться спиной. Тут и увидела эсэмэску от Толика.

Сразу и не поняла, кто просит её навестить в госпитале. Потом вспомнила долговязого не складного мальчишку на даче, который давно вырос. Кажется, года три назад приглашал её на свадьбу. Но Маня перечислив 10 000 на подарок, сослалась на здоровье и никуда не поехала.

Укутав как следует натёртую спину соседки, Маня поспешила домой. Там подумает, как поступить, и ответит.

Ответить получилось только через три часа, проснувшийся Глеб охотился на холодильник. Сейчас выудит творог, а завтракать надо чем ни будь свежим.

- Что в такую рань поднялся? – Ворчит Маня, помешивая кашу.

- Тебе звонили, хотел узнать кто и не нашёл свою жену. - Муж уже сидит на кухонном диванчике перед весами с пустой тарелкой. Провожает взглядом каждое её движение. Маня хмыкает, остаётся повязать на шею сопливчик и вот он, готовый беспомощный младенец. Правда бородатый, но она ведь не о форме, а о сути персонажа, которого она любит и балует как мужа. Рассказывает о захандрившей спине соседки, её котиках, которые за несколько секунд смели свои конфеты. Потом Глеб включает новости, первые они всегда смотрят и обсуждают вместе. С тех пор, как стали говорить о неизбежности ядерных ударов, Маня старается в одиночестве новости вообще не смотреть. Она согласна с постулатом что люди смертны. Приходят в мир, чтобы принять свою судьбу, выполнить миссию, определенную господом и покинуть в назначенный всевышним час, этот мир. Но ядерные бомбы на головы жителей планеты сбросит

не Бог. А безумцы, которые дорвавшись до власти, возомнили себя вершителями. Этого, без того чтобы не чувствовать себя заложницей сумасшедших политиков, она принять не могла. Зачем тогда бороться с онкологией, рожать и растить детей, чтобы всего через пару лет сгореть в ядерном аду. Она предпочитает думать, что там на Украине, русские богатыри противостоят мировому злу. И остановят недругов, спасая не только Маню с Глебом, Юлькой и внуками, но и всё население планеты. И как только справятся со злом, все вернуться к привычной мирной жизни с её понятными радостями и тревогами. Только, судя по новостям, это время наступит не завтра, и даже не через месяц.

Вчера под Челябинском сошёл с рельсов пассажирский поезд. Не теракт, плохое состояние полотна и некачественный рельс. Разве это не диверсия хозяев РЖД? Допустим под Челябинском угрозу пропустили обходчики и монтеры. Значит их работа организована из рук вон плохо. А почему? По причине жадности. Охранники в этом ведомстве получают меньше 30 тысяч в месяц, а начальники среднего звена уже сто. Спасибо, что за такую условную зарплату люди ещё на работу ходят. Помнят ли начальники РЖД, что страна воюет? Или не смотрят новости? А зря! В Тольятти, за полторы тысячи километров от фронта, от атаки украинского дрона погиб один человек и ранены четверо. И похоже там на Украине, только разминка перед войной. Не зря же немецкий Бундесвер запретил гражданам призывного возраста покидать страну без специального разрешения. Маня напоминает Глебу, что у её приятельницы Эльзы, переселившейся из Тольятти в Германию, сын Сашка, теперь Алекс, как раз потенциальный призывник. По матушке немец, по отцу вологодский русак. А через несколько лет, вполне возможно будет смотреть через прицел в своего троюродного брата...

Об эсэмэске Маня вспомнила только к обеду. Зажгла сигарету и позвонила.

Трубку на том конце сняли сразу, после первого звонка. Поздоровались, Маня задала ожидаемый вопрос о здоровье. Анатолий доложил, мол идёт на поправку, разрешили вставать. Но у него другая беда, такая что и выздоравливать незачем. Маня с трудом добилась пояснений. Только после того, как представила себе этого Толика, упрямым подростком на Лахтинской даче. С родным племянником Мишаней они были одноклассниками. Но полный Мишка на половину головы ниже Толика. В свои 12 лет отлично играл в шахматы и пытался подловить троюродного братца хотя бы там. В гонках на велосипедах и прочих физических играх, Мишка неизменно проигрывал и с обидной печатью «Слабак», уходил в дом, чтобы спрятаться за книгой. Маня недолюбливала Толика за его агрессивность. Но считала, что соревновательный фон отдыха пойдет Мишке на пользу. Потом, уже после выпускных, мальчишки пришли к ней на день рождения. Миша подтянулся, но всё равно был ниже Толика. И здесь одна из тётюшек поразилась, что Анатолий чистая копия своего деда тёзки. Даже родинка на той щеке. Анатолий потом потерялся, а Мишу Маня вынуждена была опекать во всех его трёх разводах. Да и с СВО он писал, хоть и коротко, но регулярно, пока Телеграм ещё работал...

- Глупо вышло, а Дашка теперь на звонки не отвечает. Маму мою к внуку не пускает. Написала, чтобы отец мои вещи забрал.

- Что-то я не пойму, почему она так поступила. Насколько помню, у вас крестины недавно были. В начале февраля. Мне Алексей писал.

- При встрече всё смогу рассказать. Маня, если тебе тяжело на метро, такси я оплачу, приезжай.

- Дорого из Москвы на такси.

- А ты разве не на Петроградской? – Голос у вояки с почти плаксивыми нотками.

- Приеду, но не сегодня и не завтра. Неделю продержишься?

Парень обрадовался. Охотно дал Мане Дашкин телефон. Глеб тут же возник на кухне.

- Кому это ты так опрометчиво обещаешь приехать через неделю?

Маня рассказывает мужу, о племяннике, который лечится в госпитале на Суворовском проспекте. Только что-то у него в семье случилось, помимо серьезного ранения, что от этого

чего-то жизнь парню не мила. Всё равно надо ехать в Питер, пустить в квартиру с проверкой газовую службу, найти новых квартирантов. Похоже Сева не вернётся. Они ему и эсэмэски отправляли. И несмотря на роуминг, звонили на иранский телефон. Звонок проходит, значит кто-то телефон включает на зарядку. Только Сева и слова в трубку не сказал.

- Как думаешь, почему с грудным ребёнком на руках, невестка своего мужа ни видеть, ни слышать не желает? Бывает послеродовая депрессия. Тогда кто-то должен быть рядом, с малышом помочь.

- Обидел он её. Скорее всего изменил, а жена узнала.

Маня молчит, читали недавно о чёрных вдовах, которые стаями гнездятся прямо у фронтовой полосы. Чтобы вычислить и отвезти в ЗАГС холостого солдата. С такой страховкой и выплатами, любой сгодится.

- О чёрных вдовах думаешь? – Спрашивает Глеб.

- Анатолий им зачем? Женат, грудничок дома соску сосёт, папку дожидается.

- Поторопились, поймали на крючок. Бывает. А теперь спишут парня из армии. Какие доходы от пенсии по инвалидности? Вот он и ищет парламентаря, чтобы перед женой капитулировать.

Маня вздыхает, в чём-то Глеб и прав. Накосячил Анатолий похоже сам, если бы не ранение, она бы вмешиваться не стала. Взрослый мальчик, раз сумел всё сломать, теперь пусть исправляет. Съездила бы просто в Купчино к Дарье, с малышом потешкалась. Может чем и помогла бы, да хоть с коляской пару часов погуляла, пока невестка отдохнёт. Но сейчас, пока вокруг всей истории кроме тумана ничего нет, совать нос к кормящей невестке не стоит. Решила начать с простого - первым делом Толиному отцу позвонить, Лёша небось в курсе событий. Позвонила, послушала длинные гудки, оставила родственнику голосовое сообщение. Мол собираюсь в Питер, позвони, есть необходимость поговорить, а может и встретиться, перезвони, когда сможешь.

Обычно она предупреждает о приезде не больше трёх человек, из числа многочисленной родни. И то не всегда. Алексей в этот круг не входит и его жена тоже. С ними Мане вообще общаться сложно, Валя приехала в Питер откуда-то из-за Урала. Выдавала на почте посылки, там её Лёша и высмотрел. Когда Толиком забеременела поженились. Лёша парень предусмотрительный, не то что Михаил жену бы к себе в квартиру прописал, но даже после рождения первенца, остался единственным собственником квадратных метров. В семье Лёшиных родителей, вообще долгая и неприятная жилищная история. Детей в ней семеро, и каждый как картинка. Старший, сразу после армии женился и подал в суд заявление на размен квартиры. По питерским меркам это чуть ли не преступление против собственных родителей. Досталась сутяге небольшая комната в коммунальной квартире, семейство из центра переселилось в Купчино и теснилось там в четырёхкомнатной хрущёвке, выдавая одну за другой замуж дочерей. Наученные горьким опытом, девушки на выданье, иногородних кавалеров не рассматривали в принципе. В итоге с отцом и матерью остались младшие, два мальчика и ещё одна дочурка. Лёха в этой троице был старшим, долго не женился, старался определить малышню. Получилось, брата убедил поступить в мореходку, а сестра влюбилась и выскочила замуж за его однокурсника. Так, после выпускного троица укатила на Камчатку, там и осела. Лёха остался дома опорой для отца и матери, тогда и привёл в дом невесту. Родителей скоро не стало, доли в квартире они завещали Алексею. Взяв с него слово, других детей и внуков принимать в любое время года и суток дня. Предоставлять им кров настолько насколько нужно. Родня пользовалась этим правом без оглядки. Лёхина жена злилась, вечно грозила разводом и устраивала суженому бесконечные разборки даже в гостях. Маня их семейство называла ежиками и старалась особо не привечать. У каждого в семье свои секреты и недомолвки. Зачем ими за праздничным столом трясти? Алексей получил должность на своём заводе, аккуратно перед Перестройкой. В стране наступило новое мышление с ударением на «ы» и полный кавардак.

Анатолий, ровесник дефолта, рос и формировался уже в условиях бандитского капитализма и в первый раз попал в отделение милиции в возрасте 12 лет. Тогда и подбросили паренька в Лахту на лето, чтобы отвадить от дурной компании. Пареньку у Мани с бабушкой понравилось, теперь он часть каникул норовил проводить с ними. Чадолюбивая бабуля всегда соглашалась – где три там и четвёртый. Так что Толик был как родной. А поскольку мать с отцом так и живут в контрах, то в трудную минуту вспомнил детство и позвонил Мане. А кому ещё? Родители получили свидетельство о разводе, как раз в день его свадьбы с Дарьей. Своеобразный такой подарок.

Маня занималась домашними делами, ждала звонка из Питера и старалась хотя бы на время выбросить Анатолия из головы до тех пор, пока не будет знать точно, по какой причине жена его ни видеть не слышать не желает. Получалось плохо. А когда подумала, что молодая женщина жить с инвалидом не желает, чуть сама себе подзатыльника не влепила.

Глава 3

- Знаешь, мне этот лес каждую ночь снится. Прямо как в фильм ужасов попал! Деревья голые с обугленными ветками без макушек. Будто кто-то огромной бензопилой верхушки срезал. Кругом рытвины, снег белый, над головой стая дронов. И мы четверо как привидения в маскхалатах. Пути до врага чуть больше полукилометра. Наши вычислили их нору по Бабе-яге, целую неделю прилетает в одну точку и сбрасывает что-то сверху. Груз падает, но не взрывается. Поняли – продукты доставляют. Вот и решил наш командир точку зачистить. Ничего им из берлоги наших в прицел ловить. Минут сорок подкрадывались, проникли в лесополосу, там и начался стрелковый бой. Товарища подранили. Второй со своей позиции нас прикрывал, отстреливался. Зачистили мы врагов, группа небольшая всего четыре человека, так что раненого вынесли. Ждать эвакуацию нельзя. Сейчас за ленточкой всё жёстко, раньше и мы и они раненых щадили, уже не боец. Сейчас же хохлы даже на мёртвых пару тройку дронов не жалеют, чтобы наверняка...

Рассказчику, хорошо если 18 есть, рука плотно привязана к туловищу. Вихрастый голос звонкий, а в глазах чёртики. Кажется, покажи палец и сразу засмеётся. Молодой совсем. Сам Анатолий в этом возрасте совсем бесшабашный был.

Днём в курилке многолюдно, темы у парней в основном фронтовые. Анатолий от комментариев воздерживается, ему осколок в ногу впилился. Небесный подарок, тоже от Бабы Яги - мину сбросила, да промахнулась. Метров пять бы левее и вся печаль. Не выматывал бы теперь душу себе, прикидывая, что на такси из Купчино Дашка могла бы приехать к нему через полтора часа. И Гордея привезти. Если бы захотела. А может жена просто не знает, что он в госпитале? Или не хочет знать. Хотя нет, отец ей сразу написал, что привезли раненого. Ответила:

- Жалость и любовь разные чувства. Подменять их я не буду. Пусть поправляется.

Отец долго отказывался переслать ответ жены. Потом сбросил. Анатолий тогда ещё на вытяжке привязанным лежал, прочёл эти 11 Дашкиных слов и каждое осколком впилилось в душу, да так больно стало, что взвыл. Соседи по палате кинулись за медсестрой. Та со шприцем обезбола, да разве эти раны уколами успокоишь. Теперь вот ходит стучит костылями. Маршрут привычный, в конец коридора на лестницу к курилке.

Ребята ему место на подоконнике освободили, благодарит. Про печаль на лице не спрашивают, здесь вообще никто в душу не лезет. У каждого своя горькая история. Лечить её надо вниманием заботой и любовью.

Толик курит, а ребята прикидывают, сколько километров от их госпиталя до порта в Усть Луге. Оказалось, меньше 70-ти. Получается, что тыл для противника открыт. Прилетело в порт серьёзно. Говорят, что это одна из ключевых точек фронтовой логистики по топливу. Только как из Балтики на Украину всё попадает неясно. И как достали хохлы этот порт, тоже большой

пребольшой вопрос. У ребят свой фронтовой ракурс обзора. У генералов свой. Недосмотрели чего-то. Может быть и так, если вся страна под обстрелом. Дым коромыслом ребята дружно ругают генералов. Грамотных и настоящих, Сердюков мол, из армии выдавил, а на их место пришли культработники да топ модели. Одна Васильева чего стоит. Какой с них спрос? Прокурор мог бы предъявить, да что-то проморгал. Хотя спросить с военных начальников пора.

Анатолий о политике старается не думать. Вспоминает, как Пригожин на Москву пошёл. Вроде всё правильно в своих роликах говорил, и боеприпасов не хватает, и броники никакие. Амуницию справляли, раздевая мёртвых. Был такой период само обеспечения. Берцы корешу не подошли – велики. А Толику в самый раз, не отказался. Когда Пригожин против Шойгу с Герасимовым попёр, Анатолию ролик прислали, как в Министерстве обороны чей-то юбилей празднуют. Кажется, бухгалтера главного, Швецовой. Так там песню пели про суп из топора для солдата. Экономили, не просто объедали, так ещё и в «бумажных» брониках парней под пули отправили! Так что пригожинский мятеж, закономерность. Тогда летом парни за развитием событий следили в Телеге, ждали чем всё кончится. Одни называли Пригожина предателем, другие Робин Гудом. Позже Анатолий узнал, что за несколько дней до Пригожинского бунта, американские подлодки с ядерными зарядами почти окружили Россию. Наверное, собирались на фоне смуты ударить так, чтобы уничтожить ядерный щит страны. Толик тогда не выдержал, выругался. Неужели этот Робин Гуд по заданию америкосов волну погнал? Или они все скандалы в Телеге изучили и спрогнозировали?

Думать так и говорить об этом с ребятами - снижать боевой дух. Лучше верить, что дело наше правое и для тех, кто на линии соприкосновения и для этих в штабах. У первых, задача побеждать и выжить. У вторых отвечать за всё перед страной и историей. А с косяками разбираться надо сразу после победы, окончательной и убедительной. И не только в Москве. Анатолий сам столкнулся с бабушкой в зачищенном от ВСУ посёлке. Старушка, такая в резиновых сапогах и фартуке. Подходит к Анатолию, «родненьким» называет, спрашивает в каком доме разместились. Узнаёт, тут же надевает очки с толстенькими стёклами и в допотопном телефоне смску набирает. Координаты вэсэушникам передаёт. Ребята, якобы случайно бабулю толкнули, телефон упал. Вежливые мальчики его подняли и все поняли. Бабуля как завизжит:

- Заставили меня! Козу в заложники взяли и старика!

Отпустили «разведчицу» с миром. Но теперь к местным относились настороженно. Решили есть только своё, к закруткам не притрагиваться. Из засвеченной избы переселиться. А в соседнем хуторе парням повезло меньше, съели пирожки с мышьяком. И всё. После боя ни одной царапины, а смерть из рук простой селянки приняли:

- Ешьте, сынки, для вас испекла.

А ведь не соврала. У неё своя правда, и муж, и два сына сгинули.

Анатолий курит уже третью сигарету. Воспоминания всплывают живыми картинками и таят. Он мог бы рассказать про пирожки и восьмидесятилетнюю разведчицу. Но молчит. Душа затаилась, не до разговоров.

На лестничной клетке взрыв смеха.

- Говоришь добегался вокруг дерева так, что голова закружилась и руку поранил? Прямо так кругами и носился? А дрон с тобой в пятнашки играл.

- Точно, в пятнашки! Товарищи мои в окопе сидели, решили, что я опасность от них отвожу. Так героем и нарекли. А я и не знал, что окоп рядом, а то с перепугу прыгнул бы туда и выдал всех четверых. А так я один пострадал. И награду получил – всю жизнь мечтал Питер посмотреть.

- Из окна госпиталя много не увидишь.

- Не говори, вон купола Смольного собора. Толян, ты местный, голубые шпиди это Смольный?

Анатолий не слышит, погрузился в свою думку пока его за руку не потрясли. Подтверждает, да тот самый Смольный. А пешком можно до Таврического сада и дворца дойти. До Невского проспекта не больше трёх остановок на троллейбусе. Обещает парню, как тот соберётся в город, обозначить достопримечательности поблизости и снова замолкает. Думает, написать тёще очередное сообщение или не надо. Предыдущие она проигнорировала. Это и понятно, в Дашкиной семье его как сына приняли. Ещё до свадьбы переехал к невесте и мать не возражала, и брат младший принял. Подрос пацан, школу заканчивает. На сообщения два раза отборным матом ответил. На третьем просто послал. А о Дашке с Гордеем ни словечка.

Как быстро из примеров для подражания, он в персону полного игнора превратился. Дашкин брат, год назад школьное сочинение про Анатолия написал. Восхищался им, мол возит под прицелом снаряды, а по дороге собак и кошечек спасает. Беженцев подбирает и везёт в тыл. Назвал его настоящим мужчиной, который и в доме всё починит и машину водит как Шумахер. А ещё музыку правильную слушает, в компах шарит. Никого не боится, может и в глаз плохим парням дать, если попросят. В общем живой пример для подражания живёт рядом. Толик действительно Дашкиным братом много занимался. Отец их, давно из семьи ушёл. Мальчишка рос в женском окружении и сам постепенно в девчонку превращался. А как потом неженке в армию идти. Сначала таскал парнишку на турник, дома отжиматься заставлял. Велосипед, потом мотоцикл. Дратья учил. А теперь «Пошел ты, козел!». У Толика оценка подопечного раздвоилась. С одной стороны, обидно за один промах перечеркнуть семь совместных лет любви. А с другой – получилось из мальчишки мужика воспитать, если готов за честь родной сестры и племянника постоять. Он Анатолий, своей семье ни разу не враг. Да, ошибся с бабой. И раньше бывали у него другие увлечения, только Дашка всегда оставалась главной. А тут с этой плаксой Алкой такой прокол вышел. Надо было сразу схватить нахалку за шиворот, заставить... Что заставить? Сам слюни пускал, слушая её признания в любви. Да, фальшивые, но он то принимал их за правду.

От курева у Анатолия аж в горле запершило. Тёще и сорванцу решил пока не писать. Попробует отца к ним с белым флагом отправить, когда тот из командировки вернётся. Хотя батя может и отказаться от миротворческой миссии. Подлецом сына назвал. Себя в пример привёл:

- Сам знаешь, что у нас с матерью неладно было, но я вас не бросал. А ты своего сына уже в пелёнках оставить решил!

Анатолий такого решения не принимал. Подставила его эта Алка. Он бы Дашке смог объяснить, не всё конечно рассказал бы, но она обрезала все пути коммуникаций сразу. Может сбежать из госпиталя, взять такси и явиться прямо на костылях домой? Нет, беспомощным просителем он не будет.

Тук-тук, шварк. Днём костыли стучат не так громко. В кармане пижамы пикнуло сообщение. Невозможно посмотреть на ходу. Впереди холл с телевизором. Трое смотрят передачу, можно присесть и там и проверить телефон. Анатолий садится, пристраивает костыли, кладёт на них большую ногу и со слабой надеждой открывает МАХ. Нет не Дашка. Друг Ванька фотку прислал, Дашка с коляской по тротуару идёт.

Снял издалека, жена его к Гордейке и близко не подпускает. Пробовал Ванька его, Толика, сообщения со своего телефона перекинуть. Тоже заблокировала. Сколько он изображение не увеличивает, прочесть на родном лице мысли и чувства не получается. Март, за окном солнце, а она в зимнем пуховике до пят. Три часа ходить за коляской тяжело. Наверное, одевается так, чтобы можно было присесть на скамейку в парке. Отправляет Ивану смайлик, рассматривает жену, а фоном слушает передачу.

- Что будет после Ирана и Украины? Помирится Россия с Европой?

В голубой студии семь человек. Журналисты и политолог со знакомым лицом. Высокий в мешковатом пиджаке с бородой и в очках. Голос приятный ироничный. Анатолий от политики далёк, но сам часто пытается представить жизнь после победы. До разлада в семье он видел себя в новой квартире, с Дашкой ипотеку взяли. Пора съезжать от тётки. Ремонт закончен. Они сидят на кухне, ужинают и смеются. У Дашки на макушке волосы схвачены резинкой в хвост, он в мягком сером спортивном костюме и в тапках на босу ногу. За окном огни в доме, напротив. У ног пёс Патрон. И такой же телевизор на стене. Работает фоном, а они просто разговаривают.

...Быстро вернуть отношения с Европой не получится. Старый мир рухнул, нарождается новый. И в Европе, и в Америке, и у нас в России. Идёт переоценка событий прошлого, а будущее все строят наощупь. Конечно лучше бы всё обсудить, о чём-то договориться. Увы невозможно, столько всего наговорили. Войну спровоцировали и всей стаей вписались, чтобы получить от поверженной России свой кусок. Какой разговор может быть с коварным хищником?

Политолог говорит медленно, как учитель физики на уроке. Анатолий читает на экране «Право знать». И думает, что из разговора он не узнал, каким будет мир после победы. До Европы ему дела нет, а вот как будет здесь, на Родине. В Питере, в его районе Купчино и его семье. Мысленно как матрёшку складывает страну, город, в самую середину семью. И соглашается с бородатым. Как там его фамилия? В титрах прочёл – Лукьянов. Прав мужик обсудить и договориться с Дашкой после всего будет сложно. Но он вернёт её, чего бы это не стоило.

Напротив, перед столом дежурной медсестры, парень в инвалидной коляске. Говорят, о чем-то тихо, улыбаются. Толик смотрит на то, как они переглядываются и понимает – в стенах госпиталя родилась новая любовь. Историю Артура он знает, штурма пошли в тыл по трубе. Не той знаменитой газовой, а поменьше. Кажется, до войны по ней воду прокачивали. Насосы не справились, пришлось 4 километра в полном снаряжении передвигаться в воде. На рассвете

достигли цели, оружие промокло клинит. Вступать безоружными в бой глупо. Решили возвращаться на базу поверху. Мороз, обувь насквозь мокрая, стараются идти быстрее, как можно быстрее. На середине пути одиночный выстрел в спину. Артур шёл замыкающим, выстрел был один. Пуля попала в позвоночник. Ребята донесли, простудились конечно. А его с пневмонией и отнявшимися ногами отправили сюда. Артур сибиряк, школу и колледж закончил в Новосибирске. Там и невеста осталась. Узнала о беде, извинилась и попросила отпустить. Артур и отпустил, ждёт операции. Перспективы обещают быть хорошими. Мама приехала в Питер, квартиру сняла, каждый день сына навещает и всем, кого из раненых на этаже встретит пирожки домашние раздаёт. Хорошая мать. Его собственная тоже приезжала три раза. Бананы привезла, стопку футболок. И скандал. Мол дураком надо быть, чтобы на развод согласиться, а если уж до этого дойдёт, квартиру делить надо не поровну. А с учётом вклада каждой из сторон. Мол твои фронтовые туда в основном пошли, отец полтора миллиона вложил. Там невестке разве что коридор достанется. Анатолий ничего делить не собирается, мать злится. Она уж адвоката нашла, справки собирает. А к внуку не ходит. Ну, это и к лучшему. Из «доченьки», Дарья у матери быстро превратилась в «пиранию». Как они будут общаться, когда Толик с женой помирится? Мать крайний раз ушла расстроенной, посмотрела ему в глаза, взглядом наказанной собаки, как у Каи Каллас. Ну почему мама такая суровая? Не как тётя Маша? Скорее бы она приехала.

Глава 4

Маня собирается домой, вспоминает что там из тёплого на питерских антресолях. Пытается угадать погоду, чтобы лишнего с собой не тащить. Ехать одна не рискует бросает ключ внукам. Мол надо срочно в Питер, убрать вещи постояльца, сдать квартиру и навестить в госпитале родственника.

По квартире, забросила снимки и описания двум риэлтерам, оба знают, о чём речь. Первая Эля, пыталась получить от Мани генеральную доверенность. Потом продать апартаменты на 4 миллиона дороже, чем объявила Мане. Разобрались, извинилась. Мол в бизнесе каждый сам за себя. А хозяину нечего клювом щёлкать. Маня урок усвоила и теперь хваткую Элю не боится. Глеб к компромиссам не способен. Ему в организационных Маниных потугах не нравится всё. Исчезнувший в иранской войне их квартирант Сева, человек богатый. Вещи носит брендовые. Одних свитеров на вешалке в гардеробной восемь штук. Они приезжали в отпуск, когда Севы не было. Парень долго извинялся за беспорядок, так что пришлось Мане упорядочить всё, что постоялец носит. Тогда и обратила внимание, что к каждому свитеру в цвет пара обуви и по тонкому кашемировому шарфу тоже в цвет. А теперь улетаю 1 января, в спешке Сева оставил гардероб на целых два сезона. Чужим собрать упаковать и засунуть подальше на антресоли не доверишь. Это Севу они с мужем знают почти четыре года. А какие квартиранты сейчас попадутся, неизвестно. Маня с Глебом два вечера судили и рядили, как лучше всё организовать. Глеб считал, что ехать надо на машине. Вещи забрать, составить опись и всё перевезти в Москву. А это только в июне, когда время отпуска подойдет. Маня считает потери от простоя квартиры, аренда и коммуналка, получается под полмиллиона. Серьезный аргумент, чтобы июнь отставить.

Внуки оживились, у них конечно тоже работа и учеба, но готовы всё отодвинуть в сторону ради поездки в Питер. Привыкли, что бабуля всё оплачивает. Ждут, когда Маня дату назначит. Надо будет уточнить, что бюджет более чем скромный.

Маня смотрит на рассадку и вздыхает. Её кто-то должен хотя бы поливать. Неделей, со всеми питерскими делами не обойдешься. Анатолий со своими проблемами. Может ждёт что, Маня по своим связям найдёт ему докторов покруче. Хотя по раненой ноге парень полон опти-

мизма. Узнал, что, Маня сейчас в Москве, но настоятельную просьбу навестить в госпитале, повторил. Мол без неё ему хана.

Алексей тоже, затих в своей командировке. Поискала его в МАХе, не нашла. Может эсэм-эски не просматривает. Она сама редко их проверяла до недавнего времени. А теперь, когда Телега гикнулась и ВА «набок завалился», стала проверять. А поговорить с отцом Анатолия надо ещё до поездки, узнать, что за беда стряслась у парня, что о Мане вдруг вспомнил. В очередной раз набирает номер, слушает гудки и предложение оставить голосовое сообщение. Оставляет, укоряет что уже третий день ждёт отклика и садится составлять список того, что нужно взять с собой.

На 15-ом номере останавливается. Вспоминает недавно вычитанный совет— чтобы защитить себя от ошибки планирования, всегда добавляйте 50% к тому сроку, за который вы рассчитываете завершить дела. Планирует Маня поездку на неделю, значит надо прибавить ещё одну. В середине апреля отключают отопление, в квартире будет прохладно. Маня смотрит на список и 15-ым номером дописывает ещё один спортивный костюм потеплее, 16-ым термобельё и пару зимних носок со звёздочками. Они тёплые, если бы не промокали, можно и по снегу ходить. 17-ым вписывает ноутбук, а потом с ужасом представляет гору всего необходимого, раздутый чемодан на колесах и рюкзак. Пожалуй, надо как следует обдумать предложение мужа и ехать в Питер на машине...

Доня дал Ирану 48 часов, чтобы открыть пролив. Если не послушаются, устроит им ад. Эти адские испытания вообще нависли над миром. Предсказывают обмен ядерными ударами. Зея тоже грозит русским огненными смерчами. А Маня дура, перед армагедоном рассаду пестует. Да, цветочкам листья обламывает, осматривает свои кусты раз в два дня. Вот и сейчас отложила список и занялась домашней зеленью. Глеб привёз с работы отросток китайской розы. Сидит, боковые веточки выпустила и кажется собирается цвести. Маня разглядывает завязь на макушке и удивляется. Говорили, что первый бутон даст года через два. Им что, скороспелый отросток попался? Или это не цветок? Маня помнит такую розу в Питере, целое дерево. А ну как эта вымахает на полтора метра, куда её размещать? Маня давно планирует избавиться от кресла и массивного телевизора. Будет повод. Она перемещается в гостиную, посмотреть на кресло и проверить герани.

На верхней корзине стойки отцвёл оранжевый бутон. Если не убрать, осыпается на подоконник и на пол. Возвращается на кухню за скамейкой со ступенями. Прихватывает телефон, ругает себя. Называется звонка ждёт, а об аппарате и думать забыла.

Сегодня Глеб на дежурстве, она одна тут прохлаждается, день лентяя себе устроила. Удобно пустить мысли в свободное плавание, пусть качаются на волнах, пока что ни будь путное не вынырнет на поверхность.

Мысли качаются, Маня тоже на своей табуретке со ступенькой. Добралась до ствола, чтобы цветок аккуратно отщипнуть и вздрагивает от звонка. Ну почему, когда она чем-то занята, так что сразу до аппарата не дотянуться, он начинает вопить сиреной?

Цветочную операцию она всё-таки завершила. Скатываться со ступени не стала, положила веточку в таз и только потом ответила.

- Вам, как надежному клиенту нашего банка партнёра...

Маня давно заблокировала всех этих дарителей призов, оказывается остались ещё. Она говорит, что давно ничего не надо, но радостный голос продолжает щебетать о двойных кешбэках.

- И никакой «кэшБЯКИ» не надо. Своих хватает! – Маня хамит рботу. А тот знай себе озвучивает записанный текст.

Ну всё, пора устроить ленивую паузу. Покурить на кухне, новости полистать. Что там в мире без её догляда понаделали?

Всё-таки ценят американцы жизнь своих граждан, спасая второго пилота сбитого самолёта, пожертвовали двумя вертолётами и двумя транспортными самолётами, снимки сгоревшей техники опубликовали в иранской прессе. Сербы возле газопровода обнаружили неизвестную бомбу. Интересно, кто её там потерял? Маня подозревает что, зелины провокаторы, больше некому. В Америке сжигают документы, увольняют министров. Скоро на выход пойдёт очередной, по торговле и глава ФБР Кэш Патель. Американским военным категорически не нравится иранский конфликт, настолько, что сдержаться не могут и публикуют в открытом доступе абсолютно секретную информацию. За месяц, в Иране пришлось истратить 1900 высокоточных ракет, а всего их в запасе было 2300. Каждая стоит по полтора миллиона долларов. А в год таких ракет производят только 300. Разоружается гегемон ускоренными темпами. Миротворцы разные бывают, доня может решил ликвидировать запасы, чтобы те, кто придёт после него, войны не затевали. У нас тоже не всё в порядке. В Азовском море затонул сухогруз. Сломался или беспилотник в бочину прилетел?

Маня ищет хорошую новость чтобы, отложив телефон, спокойно забраться под плед и полежать. Листает, листает и находит. В родном Питере родились сразу четыре однойцевых двойняшки. Медики радуются, такое происходит раз на 15,5 миллионов родов. Маня представляет, как радуется папаша. За один раз сразу в категорию многодетных. Семье уникаму, небось квартиру без всякой ипотеки выдадут, коляски специальные подарят. И правильно сделают. Надо бы ещё за казённый счёт пару нянек предоставить. А то, как сразу четверых кормить. Младенцев голодных в очередь не поставишь. Вопить будут сразу на четыре голоса. Дети — это хорошо, и рожденные оптом тоже. Только тяжело их будет поднимать, так что родителям остаётся пожелать сил и терпения.

Утомлённая ленью и убаюканная новостью, Маня засыпает мгновенно. Ей снятся двенадцатилетние племянники, Миша и Анатолий, ясное лето в дедовском лахтинском доме. В той самой Лахте, какой она была много лет назад. С огромным заброшенным яблоневым садом, через который каждую субботу в середине дня они ходили в баню. Только теперь деревья были ровно пострижены поверху, а стволы обуглены. Мальчишки на велосипедах петляют между яблонями, уворачиваясь от веток. Маня до хрипоты кричит им, «Осторожнее. Остановитесь.» Но разве удержишь мальчишек простым криком? Они никогда её не слушались. И Мане пришлось обманывать сорванцов. Увлекать их какой ни будь загадкой. Ребята быстро удаляются,

и она понимает, это никакие не состязания кто быстрее и сильнее. Они спасаются, присмотревшись она видит, что за велосипедами несутся три девочки в светлых платьях с распущенными волосами. Они бросают в спину ребятам большие, с круглый железный поднос, расписанный цветами, бумеранги. Такие бабуля всегда привозила из Новороссийска в подарок своим знакомым. Один полетел в сторону Мани, врезался в почерневший от огня ствол и застрял. Она осторожно приблизилась и увидела, что лопасти бумеранга на самом деле, остро заточенные ножи. Девочки убийцы охотятся за мальчишками. Что делать? Она уже не видит велосипеды племянников, не слышит охотничьих воплей девчонок. Только тархтение газонокосилки всё приближается и приближается, гудит у самого уха. Что гудит не видно, но она знает это не простая косилка, которая нацелена как раз на неё. Маня отступает и упирается спиной в ствол яблони, в которой на уровне головы торчит бумеранг-поднос, один из ножей всего в сантиметре от щеки, одно резкое движение головой и можно порезаться. Маня косит глазом на опасность, а рукой шарит за спиной, ищет возможность отойти хотя бы на пару шагов. В ладони оказывается гладкий камень, она сжимает его, чтобы бросить в косилку. Но камень сам зажужжал в ладони, его надо бросить, но пальцы не разжимаются. Она зажмуривается, чтобы не видеть ужаса, который уже совсем рядом. И уже наяву открывает глаза.

Приснится же такое. И это под хорошую новость! На экране имя абонента «Алексей Спб». Ну наконец-то!

Поздоровались, задали друг другу обязательные вежливые вопросы о здоровье и делах. Вспомнили, что сегодня вербное воскресенье, а через 7 дней и Пасха. Маня никак не может приступить к главному. Алексей ей не подыграл. На вопрос о делах ответил – «прекрасно», и ни слова об Анатолии.

- Мне Анатолий звонил, просит навестить его в госпитале. Сигарет привезти и помочь хотя бы советом. Ты в курсе что у парня беда?

- Он сам себе большая беда! – Лёха отвечает, не скрывая злобу. В ответ Маня тоже закипает:

- Я не знаю, что там случилось, могу предположить серьёзность событий. Если парень просит тётку привезти ему из Москвы сигарет и просто поговорить. А жена, мать, отец, брат и друзья, которые в одном с ним городе, привезти требуемое не могут? Я собираюсь ехать, последнее обследование девятого, а десятого стартую. Рассказывай, что случилось, мне плохие новости можно только частями.

Она конечно шантажирует родственника. Тот вспоминает, что год назад вся родня стояла на ухах, передавая друг другу новость о Манином диагнозе. И неохотно начинает колотья:

- Этот дурак Дашке изменил, сразу после того как Гордейку крестили. Как она узнала ума не приложу. Только не видеть не слышать Толика не хочет. Я просил, но в госпиталь ехать категорически отказалась. Сигарет у него полно, моя бывшая ездила позавчера, всё что надо отвезла. Злая приехала, обозвала Только идиотом. Говорит весь в отца своего. А я в командировке, ещё недели две домой не вернусь. Я могу тебе Дашкин телефон прислать, но она всех, кто просит не спешить бить горшки и выслушать этого придурка, блокирует.

Маня прикидывает, Гордею сейчас около пяти месяцев. Девочка небось ещё кормит грудью, нервничает. Состояние передаётся малышу, тот капризничает, плохо спит. Мама у Дарьи стюардесса, летает, держит себя в форме. Маня, рассматривая снимки с крестин поражалась, дочери 26, маме 50, а смотрятся как сёстры. Значит нянчиться стюардессе с внуком некогда. Кажется, она и замуж недавно вышла. Так что ребенок на одних руках. Да ещё и муж, сначала изменил, а теперь в госпитале на костылях прыгает. Так что, Гордейке не на кого положиться, кроме как на мать. Она держится из последних сил, недосыпает. Маня вспоминает как Юлька с зятем, ожидая второго ребенка, привезли ей годовалого Тома. Отметили 6 июня годик, и сразу в поезд. Сгрузил зять мальчика бабушке на руки, и вечерним рейсом укатил обратно. В городе жара египетская, работа. Маня уговаривает главного дать ей отпуск за свой счёт, переселится

с малышом на дачу и всё лето ходит с ума, то зубки режутся, то есть отказывается. Через две недели поняла – в непрерывном общении с горячо любимым внуком нужны паузы. Хотя бы на три часа. Нашла на даче няню. Та два раза в неделю забирала мальчика к себе. Бывший муж, роли деда не обрадовался, помогал тем, что к ночи пятницы приезжал с продуктами из города. А в воскресенье с первой электричкой отчаливал обратно. Мане было тяжело, но она знала, что дочь скоро родит ещё одного малыша, об изменах мужа она ничего не знает. Старшенький растёт здоровым и уже ходит. Скоро всё образуется и это ожидание лучше лучшего поддерживало.

У гордой Даши сейчас тёмная полоса, с одной стороны нарузки, с другой подлое предательство. Телефонным разговором с ней ничего не решишь. Может и не нагрубит, но разговаривать не станет. Хотя бы потому, чтобы душевную рану не бередить. Надо ехать, просить разрешения повидаться хоть и с двоюродным, а всё-таки внуком. А уж там попробовать поговорить. Опыт у Мани по части мужской и собственной неверности есть. Это Дарья с Анатолием, сразу после школы стали жить вместе. Первая любовь, максимализм зашкаливает. Но в семье не может быть только белое и чёрное. Маня может привести девочке десятки примеров из их семейной истории, включая дедов и бабушек. Бесчисленных тётушек. Мужики в роду польских кровей. Большие любители женского пола. Ничего удивительного – все красавцы как на подбор с гренадёрским ростом. За такими женщины всегда охотятся. Анатолий не исключение. Прадед его, едва приехал в ссылку, в первый же год новую семью завёл. Не посмотрел, что в Питере четверых детишек оставил. Да, бабуля вычеркнула бабника из своей жизни. Замуж больше не выходила. Ухажёры конечно были. Второй пример баба Вера, муж дороги строил, тоже семью на стороне завёл. А Вера сделала вид, что ничего не знает, зажала себя в кулак и встречала гулёну с объятьями и улыбками. Вернулся. Сохранила Вера семью, другое дело, как ей в этой обстановке жилось. Наверное, не очень, если несколько раз повторяла Мане – Красивый муж, чужим всегда будет. Или охраняй или прикидывайся душой. Этого Маня Дашке не скажет. Сама она душой прикидываться не стала, развелась и уехала, оставив своего бывшего определяться. Но только после того, как Юльку замуж выдали. Дашке сейчас не столько за себя, сколько за сына обидно. Ранил её Анатолий глубоко, сразу такое не зарубцуется. Но и самостоятельно Толик с Дашей из конфликта не выйдут. Молодые, горячие. Что натворили поймут потом, да поздно будет. Не факт, что у Мани получится в чём-нибудь Дарью переубедить. Но пробовать надо.

Глава 5

- У меня кореш, дрон головой сбил! Кто-то умудрился ролик снять. Если б просто рассказал, я бы не поверил. А так всё документально подтверждено. Не заметил пацан как птичка приблизилась и кружит вокруг головы прямо перед лицом. Он сначала стоял столбом, а потом принял бойцовскую стойку и боднул гада. Птичка взорвалась, а голова и лицо целые. Я пять раз смотрел ролик. Ну не бывает такого. Дозвонился корешу, мол герой. Как додумался боднуть птичку, вроде лоб не железный. Поясняет, сначала испугался, потом в голове молниями мысли засвистели. Бежать? Он быстрее, площадка ровная ни дерева, ни ямки рядом. Оператор небось в глаза мне заглядывает, страхом наслаждается. Сидит себе перед компом и ржёт. От злости и боднул вражину. Страх помноженный на злость, мощная сила.

Эту историю в палате рассказывают пятый раз. Миша лежачий, дождётя новенького и травит свои байки. Хотя, Анатолий ролик и сам смотрел.

В палате ему не сиделось. Поестъ полежать и в поход. Это понятно, за три недели на вытяжке, каждую ложбинку на стене и расщелину на потолке изучил. Вот и курсировал по коридору от завтрака до обеда, с перекурами, короткими просмотрами телевизора.

В субботу он оказался перед экраном в одиночестве, завладел пультом и попробовал найти хоть что ни будь, способное его заинтересовать.

Фильмы попадались на середине, по пяти каналам пели. Особенно он разозлился на ряженого в расшитый кафтан Киркорова, да ещё с перьями на голове. Даже подумал, неужели эти поющие старожилы сцены, кого-то ещё интересуют? Мелькнула мысль и тут же ушла. На фоне личной нескончаемой тревоги, с которой он засыпал и просыпался, мелькание плясунов на экране, всего лишь раздражающий фон. Особенно сегодня. Накануне позвонил отец, поинтересовался как нога, но слушать о массажах не стал. Сразу принялся выговаривать:

- Ты зачем Маню в свои дразги впутываешь? Сам накуролесил, самому и разбираться. Не желает тебя Даша видеть и правильно делает!

Звонок отца застал бедолагу в курилке. Он так кричал, что четверо балагуров мигом затихли и стали прислушиваться к отцовской тираде. Толик почувствовал себя третьеклассником, стибрившим у отца сигарету. Спрятался, прикурил, был пойман и бит ремнём. Есть в его детстве такой эпизод. Закурил он в классе последним, хорошо батя проучил. Отец кипит, сын стоит красный как рак и ловит момент спросить отца, что конкретно ему Дашка сказать успела.

Улучил. Оказывается, ничего про Алкино сообщение и громкий поцелуй. Просто через рыдания сообщила, что нашёл Анатолий другую, требует развода. Вещи уже собраны можно приехать забрать. Замок в квартире она поменяет, внука не даст даже на пять минут. На звонки отвечать не будет. Парни слушают с мрачными лицами. Один не выдержал, прокомментировал:

- Круто!

Толик не реагирует, отповедь отца за Маню слушает. Оказывается, у неё рак, живёт и уже почти год лечится в Москве. И теперь собирает вещи, чтобы ехать в Питер спасти этого тупицу. Не велика ли цена за его донжуанство?

После слова «донжуанство», вся курилка с уважением посмотрела на Толика. Есть такое у сильной половины, гордиться своими победами на любовном фронте. Считают девушек, как сбитые беспилотники. Отец наконец уgomонился, попрощался. Пообещал, вернётся из командировки, приедет в госпиталь и всё что надо привезёт. Когда? Не раньше, чем через неделю. Неприятный разговор, только никто его не сможет отругать сильнее, чем сам себя.

Не собирался он обсуждать свой разлад с женой ни с кем. Но четыре пары глаз смотрят на вояку в упор. Мол что стряслось? Знает он их позицию по поводу измен. Можешь хоть каждую неделю новую зазнобу заводить, главное, чтобы жена не узнала. Типа не пойман – не вор. Только, Дарья девушка умная и его знает лучше, чем свои пять пальцев. Если бы Гордей не требовал столько внимания, прочла бы всё сразу на его лице. А так, просто почувствовала, но ничего не сказала. Зачем человека подозрением оскорблять? Девушка она деликатная. Вон, даже детали его прокола с отцом обсуждать не стала. Он тоже не будет. Выдержал взгляды парней, пожал плечами ответил неопределенно:

- Бывает...

- Из этих прифронтовых кто? – Парень, который с дроном в пятнашки играл, Коля кажется, не унимается.

Анатолий плечами пожимает, молчит.

- С ними начеку надо быть. У меня сослуживец женился, а через месяц такую вдовой оставил. Радовалась, подружкам шампанское выкатила.

- Толик женат, какой с него толк для таких девчонок.

- Могла и ошибиться. Или просто влюбиться, парень он видный.

Анатолий сползает с подоконника, опирается на костыли и делает первый шаг. На площадке открывается дверь, парень придерживает дверь костылём, перемещает себя с разворотом. Кивает компании. Курильщики замерли, первым очнулся Николай:

- Двойняшки что ли? Говорят, у них всё синхронно, думают одинаково, если один простудится, второй тоже чихать и кашлять начинает. А эти близнецы на осколок чоли хором

напоролись? Только у одного правая нога пострадала, а у второго левая. Хорошо тебе, Толик, брат всегда рядом...

Анатолий уже преодолел половину пролета. С костылями целое дело, подниматься надо осторожно. Так что от разговора курильщиков успел отключился. И вот сидит перед телевизором пультом рассеяно щёлкает. До обеда ещё полтора часа. Палец уже завис над очередной кнопкой пульта, когда на экране появилась привычная картинка. Два парня в камуфляже укладывают на спину беспилотника снаряды и крепят их серебряным скотчем. Потом выносят птичку, укладывают на козлы и запускают. Цель - опорник врага. Толик всматривается в конструкцию и недоумевает, неужели на крылья пустили пластиковую панель? Кажется, он такими стены в ванной облицовывал. Потом видит в блиндаже Соловьева, который рассказывает дронеров об успехах. Всматривается в экран, попала птичка в цель или нет.

А потом военный эксперт даёт обзор по беспилотникам. Сообщает, что в этой теме мы серьезно отстаём. Враги не жалеют тяжёлых аппаратов, способных поднять и донести куда надо большой заряд. И сбрасывают свой груз на НПЗ. Стаями вылетают и долбят целенаправленно. И в Усть-Луге так действовали, и вчера в Новороссийске. А наши на заводах, знай танки клепают. На СВО от них толку чуть. Нужны рои малой авиации. Большие и маленькие беспилотники, чтобы и по опорникам бить, и по запасам взлётного топлива и разведку вести.

Толик соглашается, более того, аппарат, который показали, сделан на коленке. Парни конечно молодцы, но много ли их соберёшь? Такие вещи надо на заводах выпускать массово. На одном крыльях и корпус, на втором комплектующие. Разве это дело, скотчем снаряды крепить?

Сам он пострадал от мины, а вычислил его разведывательный беспилотник. Он водитель, но согласился сходить на разведку в серую зону. Полоса ничья, а в ней окоп с разветвлениями. Выпало им с Серёгой проверить, не прячется ли там укроп. Планируют наши позиции передвинуть. Пару километров шли более-менее спокойно, даже парой фраз перекинулись. Но заметили, как птичка кружит и припустили бегом, до окопа метров двести. Свалились прижались к краю, ждём. Дрон пропал, зато в окоп противопехотная мина прилетела. Анатолий от боли завыл, а Серёга навалился сверху и молчит. Не сразу и понял, что приятель мёртв, взял весь удар на себя, а его своим телом закрыл. С трудом выбрался из-под ещё теплого тела друга, руки дрожат еле аптечку открыл. Перетянул ногу выше колена, всадил обезболивающий укол, посыпал кровавое месиво на ноге антисептиком, и силы кончились. До позиции своих чуть больше двух километров, но добраться с таким ранением не получится. Вспомнил, рация у Серёги, надо сообщить командиру, доложить и попросить эвакуации. От друга успел отползти метра на полтора, а теперь надо обратно. Лёг на бок, раненая нога наверху, чтобы землю и щепки не цеплять. Подтянулся пару раз, весь в поту. Рация у Сергея в нагрудном кармане, а он лицом вниз лежит. Как перевернуть смог, до сих пор не понимает. Получилось. Только напрасно всё – разбит аппарат.

Солнце уже на закат пошло, если бы не боль, Анатолий так бы и уснул от усталости. И был бы это его последний сон. Иногда он даже жалеет, что не уснул. Так бы всё и закончилось. Лежит в окопе один, зубами от боли скрежещет, а застонать боится. Они в серую зону пришли на разведку, и укропы явиться могут. А у него с собой только автомат, даже гранаты не прихватил для последней схватки. Сначала решил показалось, а потом ясно услышал шорох рядом. Потянулся за автоматом. Вовремя, из-за поворота ствол калаша высунулся.

Он тоже затвором щелкнул:

- Кто здесь?

- Оружие опусти парень, не дури. Свой я.

Хотел спросить чей свой. Стрёмная ситуация, бойцы по обе стороны свободно говорят по-русски. Их командиры и даже главнокомандующий, тоже материться без акцента. У них в школах, детей за русский язык наказывают, а здесь на линии соприкосновения никто не про-

веряет. Может и укроп, хорошо бы фигуру увидеть, повязку. Форма у укропов натовская. Хотя он и сам в натовском камуфляже. В разведку все стараются так ходить. А по голосу не поймешь. Ты из 55-ой? Чужой не знает, а свой сообразит, что это соседи.

Из-за поворота появляется коренастая фигура, каска до самых глаз. Автомат уже перекинут за плечо.

- Арчел я, братишка.

- Дылда. – Он называет свой позывной, а парень тем временем меняет жгут, перевязывает ему ногу. И приговаривает – эка тебя зацепило, ну ничего дотащу к своим, заштопают. Будешь как новенький за девочками бегать.

- Не буду. – Ворчит, морщась Анатолий, мол добегался до таких проблем, что жить тошно. Арчел по-своему понимает:

- Не вешай нос дылда, врачи у нас хорошие, мигом приведут в порядок. – Закончив перевязку, садится напротив, смотрит в лицо и вздыхает:

- Да тебе и не надо за девочками бегать, сами небось преследуют.

Анатолий расслабился, поплыл. Голос, как сквозь вату прорывается, отвечать сил нет. Арчел за плечо трогает – твоя задача сознание не терять. Это приказ мой, как хочешь, а выполнить обязан. Я проверять буду, хотя бы угу в ответ говори.

Как он дотащил 92 килограммового Анатолия до своих? Сам, судя по росту, не больше 70-ти весит. Всю дорогу говорил о погоде, дронах, переговорах, о своей семье. Анатолий висел на нём кулем и угукал. Потом, как картинка на рваной плёнке, девушка в белом халате, крыша кузова. Яркий свет в операционной. Кажется, самолёт. Только в госпитале себя и осознал. И первое, о чём подумал – это кто-то там наверху решил его за предательство наказать. Просил ребят из бригады, Арчелу спасибо передать и номер телефона для него взять. Но никакого Арчела они не нашли. Ничего, лицо его Анатолий помнит хорошо, вернётся на ленточку сам найдёт.

О том, как ранение получил, предпочитает не рассказывать, ничего героического, подстрелили как куропатку. Это Арчел герой, - тащил его по серой зоне на своём горбу три километра.

Вот Женя из седьмой палаты, двоих укропов, один голыми руками одолел. В дачном посёлке дом выбирали, чтобы перед штурмом пересидеть. Один без стены оказался, второй крепкий, из красного кирпича без окон, но крыша целая. Пошли проверить. В доме чисто, остался только подвал.

Поднимают крышку, внизу темень и тишина. Может гранату на всякий пожарный бросить? Не пойдет. Там боеприпасы укропы могли сложить, а перед отступлением оставить. Лаз узкий, лестницу телефоном подсветили, крутая, чтобы спуститься надо руками держаться. Женя смотрит, все замялись, решил сам всё проверить. Автомат скинул товарищу, и полез. Спустился, вроде дверь хлопнула и сквозняком мазнуло. Значит есть прямой выход на улицу. Кто-то здесь был и похоже ушёл.

- Ну что там? - кричат сверху. Женя стоит под квадратом света, всматривается в темноту, приглядывается и видит у стены напротив на корточках кто-то сидит. Ладонями лицо закрыл, не двигается. Собрался от света отойти, мало ли стрелять начнёт, только ногу занес чтобы шагнуть в сторону, как навалилась на Женю туша и давай душить. Он сопротивляется как может, а сверху:

- Чего молчишь? Выбирайся.

Придавленный к полу Женя и рад бы, да не получается. И автомат наверху. Граната при себе, но в подвале это вариант только для камикадзе. А у него ещё вся жизнь впереди. Двойняшкам только по два года. Вспомнил о ноже, умудрился вытащить и всадить клинок в шею. Укроп хрипит, а рук не разжимает. Кровь чужая тёплая, течёт по руке с зажатой рукоятки, кажется целую вечность, а хватка не слабеет. Женя помнит о том, на корточках с закрытым лицом. Преодолеет страх, достанет оружие и прощай Женя. Наконец руки подрезанного ослабли.

Женя воздух глотает, в глазах красные всполохи, а в люк кричат:

- Уснул что ли?

Сосредоточился, тот на корточках даже на сантиметр не сдвинулся.

И скулит из-под ладоней. Мол не убивай, жить хочу. Это потом, на свету Женя его рассмотрел, молодой совсем, кажется даже ни разу не брился. Рад радёшенек что в плен взяли, смотрит на Женю и знай себе благодарит. Хотя если подумать, есть за что благодарить, для него война закончилась. А так, скорее всего не выжил бы пацан, и не потому что молод. Просто не боец.

Ранение Женя получил через три месяца после того подвала. Руку раздробило и лёгкое пострадало. К нему жена с девочками каждый день приходит. Три часа бантики мелькают по всему отделению. После двух, Светлана забирает своих красавиц и везёт на съёмную квартиру. Режим у двойняшек, дневной сон. Жене весь госпиталь завидует, Анатолий на фоне своего

семейного разлада, в первую очередь. Он даже собирался у Жени совета спросить, а потом заметил, как они со Светланой друг на друга смотрят, и передумал. Семья для этого героя святое, его надёжный тыл и главная опора в будущем. Сколько бы не пришлось врачевать раны, жена и дети будут рядом. А он свою осквернил и мечтает только об одном, вымолить у любимой прощения.

Глава 6

Дела повалили чередой, подтянулись даже самые запущенные и безнадёжные. Утром Маня вполуха слушала новости и помешивала манную кашу. Началось утро в 11.00, никаких выездов на день не планировалось, поэтому она занималась делами прямо в пижаме со спутанными волосами. Хотя зубы почистила и аскорбиновую маску на лицо нанесла. Глеб мирно спал, по состоянию творога, Маня поняла, что ночью он пару раз устраивал себе поздний ужин, а просыпается муж по трём причинам – голод, туалет и будильник на работу. Сегодня выходной, голод отменяется. А к туалетному часу X, каша будет готова и даже успеет покрыться такой соблазнительной плёночкой.

Телефон подал странный сигнал, как короткий звонок детского велосипеда. Он последнее время всё время чудит. То присылает сообщения, что у кого-то там имеются сведения что, Маня находится за границей и прямо оттуда совершает диверсионные вылазки в МАХ. Маня отмахивается и ехидничает – смотря что считать за границей. Прямо как в анекдоте. «Дядя Фима сдаёт анкету на визу в Америку. Её изучают и задают вопросы.

- Родственники за границей есть?

-Нет.

- А у нас есть сведения, что ваши родные живут в Хайфе.

- Так это я за границей, а они уже семь лет как дома.

- Дети есть?

- Нет.

- А, по нашим сведениям, у вас два сына и дочь.

- Господи, да разве ж это дети? Сволочи.»

Маня накрывает крышкой кашу, включает айфон и видит сообщение по ИМО от латышского риэлтера: «Позвонить могу?»

«Жду», отстукивает, мигом садится и гипнотизирует айфон глазами. Аппарат молчит, время вопроса четыре минуты спустя. Проходит ещё две, аппарат молчит и Маня начинает нервничать. В апреле намечается сделка по латышской квартире. Сначала назначали на середину февраля, потом на март. А когда перенесли на апрель она взбунтовалась – залог не верну, объявление срочно поставить. Ждать полгода сделки при скидке в 35% и рассрочке по выплатам на два года, неправильно и даже не гуманно. Интересно, что «Мистер-минус» на этот раз скажет? Маня напряжённо ждёт, но телефон лежит как каменный. Ещё три минуты, тишина. А чего я собственно жду? Маня решительно нажимает вызов. После приветствия начинается привычная история, вместо 8 тысяч первого взноса, клиенты готовы внести только пять. Маня мнётся. Ей все равно, хоть пять хоть восемь. На счету лежит целых семь и у неё до них нет возможности добраться. После продажи квартиры будут решать, как перекачать средства с еврового счёта на обычный, родной российский. Но в условиях санкций, войны в Иране, боёв на Украине и всяких рюкзаков с минами под газопроводами, эта её проблема, на уровне мирового хаоса небольшая капля в море. С оформлением сделки, Маня выиграет в одном – отпадёт необходимость каждый месяц платить коммуналку и нести ответственность за состояние недвижимости, которая хрен знает где. Но риэлтеру об этом знать не обязательно. Помявшись, она соглашается на обновлённые условия, узнаёт, что юрист зафиксирует сделку у нотариуса и там же наличными получит первый взнос. 30 секунд разговора и она мигом теряет 1000 евро.

Отключается и никак не может решить, радоваться ей от скорого избавления от обузы или огорчаться от подаренных ста тысяч в рублевом эквиваленте риэлтеру-вымогателю. Знает, что, Маня приехать не рвётся, вот и ловит момент. Приходит к выводу, что начало дня неплохое. Ободрённый телефон заливисто звонит. Маня видит на экране имя своей подруги и вздрагивает, после смерти ВА, Эммочка из своего Аугсбурга звонить с роумингом может только в случае чрезвычайной катастрофы.

- Что случилось? – Настороженно, вместо «здрассте» спрашивает она.

- Соскучилась. – Признаётся подруга.

- И всё?

- А что этого мало?

Маня с учётом роуминга начинает тараторить, тоже соскучилась, чувствую себя превосходно. Снег сошёл, но ещё прохладно. У Юльки и внуков всё в порядке, муж тоже. Сидит на диете.

- Ты чем-то очень занята? - Подруга говорит с обычной скоростью и в интонации Маня подозревает подвох. Потом догадывается спросить, как она звонит. Оказывается, по ВА, «Одноклассников» в Германии заблокировали, а по телефону дорого. Значит Ватсап работает, хотя бы в одном направлении. Здорово! Можно спокойно и с наслаждением говорить. Чем они и занялись. Глеб проснулся, позавтракал, помыл посуду, а они продолжали щебетать. С ценами в Германии пока нормально. Мясо подорожало, а подсолнечное масло, яйца, рис и овощи нет. Да ещё любимые булочки, за которыми Эмма каждое утро до завтрака ходит в кондитерскую, стали на треть дороже. Хозяйева объявление повесили для постоянных клиентов. Извиняются, мол после подорожания электричества, ещё и возросли расходы на топливо. Отсюда и перемены в цене. Маня видит, как пробивается питерская риэлтер. Эля, её старая знакомая. Отчаявшись дожидаться иранского постояльца, Маня вчера сбросила ей снимки питерской квартиры и текст объявления. Предложила разместить и назначить три-четыре просмотра на один день. К которому Маня, как раз и придет. Но прерывать разговор-релакс с любимой подругой она не спешит. Целых полтора часа не спешила, поражаясь качеству связи и выдержке месенджера ВА.

Эля задыхается от восторга – есть клиент готов на все условия торопит с просмотром. Маня не готова стартовать ни сегодня, ни завтра. Напоминает, ехать из-за одного просмотра, который может и не закончиться договором, неразумно. Она конечно не говорит Эле, что дел в Питере запланировано как минимум на неделю. В первый же день к Анатолию в госпиталь. Вместе с дорогой на это свидание уйдет не меньше трёх часов. Ещё из Москвы она напишет Дарье, что приезжает в Питер и очень хочет познакомиться с внуком Гордейкой. Если она конечно не против. Но у Эли хватка ещё та. Никаких проблем, ключ можно отправить по почте, она сама всё покажет. Маня озирается на дверь, о такой возможности Глебу лучше не слышать. Мигом решит, что это тот самый идеальный вариант. Эля сфотографирует весь беспорядок в квартире, сложит в коробки вещи постояльца и спокойненько с доверенностью от Мани сдаст квартиру. И тогда она останется без встречи с подружкой, не получится помочь бедному Толику, и встреча с родным городом отложится ещё на два месяца. А до июня, всё что угодно случиться может. Слава богу Глеб пришёл к концу разговора с Элей, когда Маня уже объявляла, что 11-го утром постарается быть на месте. Точнее сообщит сразу, как только закажет билет. Глеб достаёт сигарету и сходу начинает искать подходящий поезд. Уже через 15 минут Маня отправляет копию билета троим, Эле, Подружке и Толику. Всё – отступать некуда. Надо завершить дела здесь и собирать дорожный рюкзак.

Они с Глебом уточняют время своего медицинского выезда. У Глеба строго назначенное время приёма у врача, Маня организует для себя плавающий график. И подумывает перенести пару обследований на после возвращения. Интересно, когда хотя бы приблизительно она вер-

нется? Было бы обидно утром прикатить, после обеда подписать договор и мчаться обратно на вокзал. И совершенно невозможно застряв в родных пенатах на месяц.

Маня вспоминает фотки, присланные из роддома Алексеем, и Анатолия в центре родственной компании. Не она одна из категории тётушек и бабушек отсутствует на этом семейном портрете. Клан похудел? В домашних архивах сохранились чёрно-белые фотографии из 60-ых, на которых сгруппировалась компания родственников, сопоставимая с населением целого посёлка. Дети в самом центре на руках старых бабушек, по флангам подростки, в центре деда, и отцы со старшими сыновьями. Опора семьи. Она принимается считать племянников со своими семьями по линиям родных и двоюродных тётушек. Если бы случилось чудо и удалось собрать всех в одном месте и по одному поводу, то лиц на групповом снимке будет не меньше. Только со сбором сложнее – рассеялись отпрыски не только по стране, но и по миру. Традиции, с учётом нового времени и передовых технологий, изменились. Подарок — это просто сумма, хорошо если в конверте, а то и просто брошенная на счёт. Поздравления – картинка, взятая в интернете. Эти старые черно-белые фотографии, не просто запечатлённый миг для истории. Принятые в такую семью невестки и зятья брали обязательства, не зафиксированные в юридических документах. Хранить друга и семью, уважать старших, с любовью и по правилам воспитывать детей.

Маня уже готова вытащить пару альбомов и полистать страницы с фотографиями. Но осаживает свои намерения – за десять минут всего не посмотришь. Знает – эти массивные книжки с бархатной обложкой, как портал в прошлое. Затянет и просто так не выпустит.

Нет, альбомы она доставать не станет. Не сейчас, а вот в интернете можно посмотреть последний родственный слёт в лахтинском доме. Отцифровала, чтобы лица родных не забывать там на чужбине в Латвии. Маня открывает фотографию, увеличивает. Вот он Толик, в майке и трусах, ногу выставил, худенькие плечики отвёл назад. А рядом толстый Мишаня, как мешок на ножках. На самом деле он не был жирным, но родители постоянно кутали мальчишку.

Господи, а как там Миша на СВО? Крайняя весточка от него была 8 марта, предыдущая на Рождество с теми самыми красивыми картинками. И короткой фразой. Жив, здоров идём к победе. А когда созванивались? Кажется, в июле перед её операцией. Блин! Узнав диагноз, племянник чтобы не волновать болезную, просто отгородил Маню от плохих новостей. Пусть лучше живёт в колбе, чем очередные переживания дадут толчок к развитию болезни.

Она закрывает галерею с фотками и включает Телегу. Грузится так, что всю душу вытянет. Находит в контактах Мишку и строчит сообщение – Соскучилась очень, голос хочу услышать. Позвони, как сможешь. Нажимает отправить и вспоминает, ТГ в стране попал в рязряд недружественных. А Миша на фронте. Не факт, что её призыв дойдёт. Маня пишет эсэмэску, и включает себя в правильный режим ожидания. Хорошо если в течение дня племянник найдёт время чтобы позвонить. Есть ещё МАХ, но там она уже пробовала отыскать Мишу и по контакту, и по номеру телефона. Бесполезно. Наверное, она просто не умеет.

Глебу кто-то позвонил, и он отправился на выручку. Часа два Маня будет дома одна. Успеет сварить капустный суп. Они так теперь называют щи, после того как нашли в интернете и посмотрели забытую французскую комедию с Фантомасом всей планеты Луи де Финесом. Нахотавшись над приключениями двух соседей фермеров, которых местные власти решили переселить, чтобы на территории обустроить городской парк, они в память о комедии щи и переименовали. Сюжет в том, что капустный суп так понравился инопланетянину, что, замаявшись гонять за суповыми бидонами из вселенной, пришелец организовал эвакуацию фермеров вместе с их домами, землёй, и домашними животными, к себе.

Маня со слезами на глазах шинкует лук, в кастрюле на медленном огне уже булькает картошка, капуста готова. Фоном к готовке, новости. Во Владимирской области от удара дроном погибла семья с сыном, девочке удалось спастись. Фронт расширяется. Мир сходит с ума.

Американцы показали нечёткие снимки и заявили, что власти США вошли в контакт с инопланетянами. Маня закладывая в кастрюлю капусту ехидничает, а мистер Трамп вообще главный гуманоид на планете. Ему не хватает просторов вселенной, вот и расширяет войнами пространство влияния на земле. Про Дону наши информационщики говорят с утра до вечера. Маня знает, что, когда Доня учился в университете, один из преподавателей назвал его самым тупым учеником. Но повторить характеристику на камеру отказался категорически. Сегодня вторник, он может стать чёрным. Если Иран не выполнит ультиматум Дони, тот вобьёт страну в каменный век. Уничтожит электрические и опреснительные станции. А ещё, уже почти готова американская экспедиция на Луну. Вроде приземляться не собираются, аппарат будет вращаться вокруг, и уже оттуда в реальном времени шпионить за родной планетой. Информация в реальном времени будет передаваться по лучевым каналам. Предусмотрена возможность управления техникой с земли. Офигеть! А у нас столько денег тратят, чтобы Телегу блокировать! А может не тратят, а пилят? Если реально есть технология для лучевой связи и управления, получается деньги на ветер. А сколько недовольства у народа. Гибнут раскрученные каналы, недоступны привычные мессенджеры.

Маня едва успела опустить крышку на кастрюлю, как откликнулся Мишаня. Она почти кричит в трубку от радости.

- Где ты? Как? Анатолий с ранением в госпитале, а от тебя ни слуху, ни духу!

Миша лыбится в камеру, лицо то ли загорело, то ли обветрилось. Сообщает, что практикует ходить с ребятами штурмами на задание.

Говорят, что на практике первые три проходят гладко, а ранения получают на четвёртом или пятом рейде. Маня возмущается зачем связисту штурмовать вражеские опорники. Там же стреляют в обе стороны. Мишка смеётся, сама говорила в детстве, что волю тренировать надо. Вот и тренирую. Знаешь, каково пять километров по грязи пройти. Или взять бетонный опорник. Их ещё с 14-го ставили на перекрёстке дорог по четыре штуки. Окружали такими глубокими окопами, что внизу связь не берёт. Бойницы, обзор, полные коммуникации внутри, бесперебойный интернет. Оборону со всеми удобствами укры готовы держать хоть до морковкиного заговенья. А мы в эти окопы за ночь дошли, взрывчатку с дистанционкой заложили, откатились и устроили фейерверк прямо к завтраку. Расслабились враги так, что охрану не выставляют. Так что можешь мной гордиться, воля в полной форме. Маня конечно гордится хочет, но этого мало. Ей надо знать, что Мишка гарантировано, после победы вернется домой

целым и невредимым. Хотя парню воля не помешает, надо бы разобраться с тремя бывшими жёнами, чтобы денег из сердобольного Мишани тянули поменьше. Причины, по которым им требуется та или иная сумма, дамочки придумывают вмиг. А у Мишки характера не хватает проверить, туда ли потрачены его кровно заработанные 200 -300 тысяч.

Она сообщает, что уже завтра едет проведать Анатолия в госпитале. Про неурядицы с женой не говорит. Интересуется, когда кузены последний раз связывались. Так и есть, на 23 февраля картинками обменялись.

Миша где-то на природе. По видеоряду в телевизоре она представляет фронт с разбитой техникой на заднем плане, грудой кирпичей вместо домов и обугленные стволы деревьев.

- Миша я не шпион, покажи мне как там вокруг тебя, война здорово ландшафт испортила? Миша медленно поворачивается и показывает свежую сочную траву, молодые липкие листочки на деревьях. А на первом плане свою физиономию с открытой улыбкой. Он без шлема или каски. Почему? Жарко. Они наконец прощаются, Мишаня обещает отправить Анатолию голосовое сообщение. Желает тётушке лёгкой дороги. Вовремя, до старта из дома чуть больше суток.

Глава 7

- «Калаш» у него позывной, шесть заданий со мной прошёл. А за санитарной машиной километра два бежал.

Смартфон Моти, курильщики передают из рук в руки. Комментируют, - красавица, а уши какие гордые, молодой совсем.

Наконец аппарат оказывается в руках у Анатолия. Его уже успели прозвать Молчуном, но на этот раз Толик долго всматривался в снимок и заговорил:

- Брови как у моего «Патрона», два месяца из кабины не выходил, натерпелся видать. А потом спокойно дома остался. Я из командировки сорвался на сутки, груженный снарядами, у знакомого во дворе оставил КАМАЗ, бате позвонил чтобы свозил хоть на вечерок домой. Жена, Патрона непустила, а я уехал, скучаю до сих пор. С ним спокойнее было и спать тепло.

- И на передок брал с собой?

- Говорю же, он отказывался из кабины выходить, домом считал. Сделает свои дела и прыгает обратно. А теперь дезертировал, на диване спит, никому даже присесть на него не разрешает. Разляжется как барин.

- Повезло выходит Патрону. – Вздыхает Мотя. Мой на базу вернулся, три дня есть отказывался. Потом ничего, но каждый день на повороте дороги сидит. Меня дожидается.

- Собаки и кошки прибиваются к людям, бойцы часто их с собой в блиндажи берут, от мышей спасаться помогают. Те, набегу на продукты устраивают, а коты вроде как на посту. У нас тоже у каждого по кошке. Но на задание хвостатые не выдвигались. А как ты на штурм со своим Калашом ходил? Там же режим тишины.

- Пробовал оставить, следом крадётся. Он меня и спас. Втроём опорник брать пришлось, двое на полдороги затрёхотились. На лепестки наступили. Устроили им укрытие, в термонакидки укутали чтобы дроны на ночной охоте парней не обнаружили. Гранаты и автоматы заряженными, на всякий случай, парням оставили. Калаш скулит, приказываю ему – сидеть! Послушался, сел, мы уже к точке подошли, прислушиваемся что там внутри, может голос, шорох или храп. Да где там, опорник только сверху ветками прикрыт, и по лазу ясно, бетонная коробка в землю метра на два врыта. Птички наши обнаружили два дня назад, когда один нацик наружу выбрался. Подкрались, дверь лаза трогаем – открыта. Светить нельзя себя обнаружим. Мы обычно сначала гранату внутрь бросаем, потом «очередь Самали» в помещение даём. Выжидаем и заходим. Я уже чеку снял, а Калаш прыгнул на руку и зубами в рукав вцепился. Боеприпасы в опорнике, сложили почти под завязку. Конечно не как засада для нас, склад укропы себе устроили. Но если бы сдетанировало, писец. Доложились, командир приказал укрыться и ждать. Эвакуацию раненых сам организует. На рассвете ещё раз проверили, бывает может кто прямо на ящиках с патронами спит. Никого. Приватизировали мы эти запасы и опорник тоже. Правда пришлось соседние зачистить, чтобы отдыхать не мешали.

Анатолий слушает Мотю, представляет ночь, лесополоса, местами почерневший снег, опорник со снарядами и без охраны. Только дроны с тепловизором рыщут. Хочет уже спросить, а как же Калаш, без накидки он как сигнальный огонь для ночного охотника. Но Мотя упреждает вопрос. Пёс «птичек» раньше всех слышит, мигом находит укрытие, юркнет и затаится. Всегда шельмец место выбирал на двоих. Вот только от накидки ночной отказывался наотрез.

- Автомат заряжать ты его случайно не обучил? – В вопросе не прикрытая ирония. Мотя обижено сопит и прикуривает новую сигарету.

Анатолий бросает взгляд на обидчика и отворачивается. Открывает сообщение от Мани и рассматривает её билет на поезд. Будет утром в пятницу, сначала, наверное, домой помыться передохнуть с дороги. Надо позвонить, если очень устанет, то лучше в субботу приехать. Визитом вежливости не обойдётся, пока он всё расскажет и объяснит, часа два пройдёт.

Потом пытается представить дом. Сколько сейчас? 20.15. Дашка, наверное, малыша перед сном купает. Анатолий открывает старое видео, вглядывается в личико Гордейки. Мама положила ему под голову ладонь, а второй набирает воду и поливает сверху. Пацан сучит ногами, размахивает ручонками. В воде пелёнка, но всё равно видно, что тельце ребенка не достаёт дна. Почти плавает малыш. Видео старое, здесь Гордею месяц и три недели, а через три дня исполнится четыре месяца. Небось весит килограмм пять с гаком. В половине десятого надо Патрона выгулять. Неужели она Гордея одного оставляет?

А вот постовой Патрон у кровати Гордея. Сидит уши торчком забыл про свой персональный диван. Гордей спит рядом с их семейным ложе. На́ день, Дарья накрывает кровать покрывалом с оборками. На снимке покрывало на месте, а сверху скомканный плед. Накрывается им чтобы прикорнуть, когда сын уснёт. Он в очередной раз пролистывает её сообщения. «Поели хорошо, долго не мог отрыгнуть. Держала свечкой пока руки не онемели. Тяжёлый». «Гордейка улыбается. Не успела сфотографировать».

«Ночью мучили газики. Почти не спали, а надо собираться гулять.».

Квартира у них на третьем этаже, лифта нет. Коляску отец предложил оставлять внизу, но спать в ней повадились кошки. Невозможно держать на руках малыша и одновременно пристёгивать накидку от котов. Родители установили очередь, чтобы приезжать и гулять с ребёнком. Но теперь Дашка запретила им приближаться не только к внуку, но и к дому. Анатолий знает, отец переживает разлад и придумает, как снять запрет. А вот насчёт свекрови, Дарья оказалась права. Мать сразу принялась выгоду искать, делить, согласно взносам ипотечную квартиру. Забыла, что сам Толик пришёл жить к Даше. Шесть лет фактически был примаком, но никто даже не заикнулся об этом сомнительном статусе. Их собственная квартира уже построена, осталось сделать косметику. Собирались своими силами, отец два приятеля и Анатолий. А как теперь? Клеить обои, красить и даже штукатурить он умеет...

- Слов нет! Четвёртая попытка провалилась с треском! – Сосед на вытяжке, телевизора в палате нет, и он пристрастился читать всё подряд в интернете. Особое внимание уделяет политическим новостям. Вечно их комментирует, не стесняясь в выражениях, за что и получил среди больных кличку Политолог.

В палате они вдвоём, места четыре, но ходячие ловят солнечные дни и уходят гулять. Анатолий только освоил коридор, поход в курилку. Выйти на улицу он планирует с приездом Мани. Во-первых, поговорить без чужих ушей, во-вторых, разговора без сигарет не получится.

- Какие четыре попытки? – Спрашивает из вежливости. Но сосед тут же начинает отвечать.

- Четвертый раз пытаются принять закон о запрете госслужащим иметь имущество за границей. И с 2014 года Госдума его отклоняет. Сначала долго не ставит в повестку, а потом отклоняет. Два состава депутатов сменилось, скоро очередные выборы. Думаю, и третий состав не решится запретить чиновникам виллы на Ривьере покупать. Зато закон отменяющий ежегодные декларации о доходах, для госслужащих и парламентариев приняли в рекордные сроки, за семь дней!

- Да... - Мямлит Толик, ему тоже не нравится откровенная ориентация депутатов на свои шкурные интересы. Только он сам и сосед, повлиять на депутатов не могут. Поэтому Анатолий картинно разводит руками. Но сосед кипит.

- Надо эту Думу штурмом брать!

- Это как? Ворваться как матрос Железняк, с калашниковым: «Которые тут временные слазь, кончилась ваша власть!». Только это уже революция. А какие из нас карбонарии? – Толик приподнимает костыль.

- Зачем пулёмет, надо самим в депутаты идти и бороться за законы для военных, пенсионеров, детей. Чиновники и без законов себе всё что надо обеспечат. У замгубернатора Краснодар в имении при обыске нашли 4 миллиона долларов, 7 миллионов евро и 31 миллион рублей наличными! Три полка обеспечить можно с полным вооружением и запасом боекомплекта на полгода. А если такую сумму на дроны пустить, то укропам темно в самый светлый день будет. Думаешь он один такой, этот Коробка?

Анатолий встаёт опирается на костыли. Подобных Коробков в стране похоже достаточно. Только думать о них, нет никакого желания. Пусть прокуратура думает, а ему есть над чем голову поломать. Когда с Дашкой всё хорошо было, он и сам не прочь был о коррупционерах язык почесать. А сейчас, нет никакого желания о них даже думать. Решил сбежать от зарождающегося митинга. Лучше пойдет маршировать по коридору. Тук-тук, шварк.

Коляска Аркаши опять у поста, не удивительно, сегодня Лена дежурит. Она медик, обезноженный на время парень, её не испугает. Анатолий кивает головой и скачет мимо. Тук-тук, шварк.

- Толян, заверни на минуту, - перехватывают его из пятой весёлой палаты. Слаженный контингент подобрался, вечером медперсонал, хохот оттуда пытается урезонить. Анекдоты

травят, истории всякие рассказывают. Привирают, а может и нет. Есть среди них пацан, «Куба» позывной, который уверяет, что икона защитила его от прямого попадания пули в сердце. Под Харьковом это было. Вроде бежит он в полном снаряжении к ближайшему укрытию, густая перестрелка между нашими штурмами и украинцами. Уже готов сделать последний рывок, чтобы за холм прыгнуть и уже оттуда поливать врага огнём. А тут приказ: «Стоять!» если бы не женский голос, решил бы что командир. Потом только сообразил, рация у них одна на троих. И не у него. Да и голос прямо из нагрудного кармана женский. Но среагировал, встал. Что-то в грудь толкнуло, а укрытие, к которому он бежал, взорвалось так, что сам рухнул на землю. Сутки выдались адскими, в груди побаливает, но ноги, руки и голова в порядке. Вечером откатились, двоих из десяти штурмов, несли на базу на себе. Трёхсотые, это не совсем потери. Может отдохнут недельку в медицинской роте и вернуться. Там батюшка, в рясе без оружия. Помогает раненых переносить, говорит с ними, успокаивает. Своего определили, присел Куба покурить, батюшка останавливает и как-то испытующе на меня смотрит. Мол не хочешь ничего рассказать. Я про женский голос из кармана никому говорить не хочу. Нет баб такого размера, чтоб в карман помещались. А тут язык сам собой заговорил. Про голос, который дал команду стоять и укрытие метрах в трёх, которое ни с того ни с сего взорвалось. Батюшка головой качает – ничего просто так в этом мире не бывает. Показывает на дыру в бронике, снимаю, а в кармане пуля. Застряла в иконе Божьей матери. У Толика тоже икона есть картонная, не может такая пулю остановить. Веру укрепить да, а пулю – нет. Куба ныряет рукой в нагрудный карман госпитальной пижамы. Достает маленькую иконку в металлическом окладе. А на ней выемка. Отдельно и пулю вынимает, вкладывает в «гнездо» на иконе. Анатолий меняет маршрут, все подходят руку пожимают.

- Мы тут ставки делаем сигаретами – лупанёт Трамп вечером по Ирану или сольётся? Участвуешь?

Букмекерские ставки не стиль Толика, хотя сам ждёт, чем история закончится. С тревогой ждёт. Если Иран расшарашат, это и на нашем фронте сказаться может.

- Почём заклад?

- По пачке.

- Не могу, у меня осталось две, а Маня только в субботу приедет.

- Ладно, если про Маню расскажешь, можешь заложить пять штук. Мы женские истории страсть как любим.

Анатолий в душе смеётся, губу раскатали, небось думают Маня из серии его похождения. Ну что ж, он пообещал и расскажет честной кампании то ли про тёткушку, то ли про двоюродную бабушку, Марию Константиновну. А почему нет? Маня стрёмная, веселая, получится история.

И не одна. Например, как они с отцом ринулись среди ночи к ней на помощь, разбила свою машину о трамвайные рельсы. На въезде в Купчино их не особо углубляли, отец засаду знал и на этом перекрёстке просто переваливал свою машину. А что Маню ночью в Купчино понесло? Тогда уже появились первые мобильные телефоны. Они ещё стационарным пользовались, так вот Маня со своего мобильного и позвонила. Мол угодила в аварию, на улице метель и мороз. Если не спасёте каюк. Отец уже спать лёг, мать ворчит, мол ты не сотрудник ЧС. Обойдётся твоя Маня, вечно у неё не понос так золотуха. Батя собирается молча, потом кричит:

- Толик, со мной поедешь, если до утра не вернёмся, в школу не пойдёшь. Прибыли на перекрёсток – ночь трамваи ещё не ходят, Остин на рельсах, Маня вокруг в своей короткой курточке прыгает. Околела совсем. Взяли Остин на верёвку, хорошо рядом какой-то мужик был согласился за руль битой машины сесть. Тащим «инвалида» к воротам ближайшей мастерской, отец спрашивает, что её среди ночи в Купчино понесло? Признается – «бомбит». Отец аж задохнулся, он мужик, таксовать не рискует, а эта... Дома Маню отогревали до обеда. Допытывались родители, мол какая беда приключилось, что она по ночам пассажиров на обочине

высматривает и развозит. Призналась, – Юлька дочка, замуж вышла уехала в Москву, а дома с мужем так тошно, что встретит его после работы, покормит и уезжает. Отец тогда перестал на звонки свояка отвечать. Это как надо бабе насолить, чтобы она из отчего дома в метель и мороз бежала.

А потом и вовсе собралась да уехала, говорили месяца на четыре, с внуками в Москве помочь. Ждали, мол вернётся к дачному сезону. Очень у ж она свою дачу любила и лелеяла. Не вернулась. Бывший так и жил в её квартире до инсульта. На все родственные сборы и праздники приезжал, рассказать какая Маня подлая, бросила его одного прозябать. Толик помнит, как его собственная мама, которая кроме себя, ни о ком доброго слова не скажет, отбрила этого толстяка:

- Не хило небось прозябать в таких хоромах да в центре города! Жилищный вопрос в их семье стоял остро. Одно название, что квартира четырёхкомнатная. Клетушки и кухня 6 метров. Вчетвером ещё нечего, только дяди, тётки и кузены считали квартиру отчим домом, где вечно кто ни будь гостил.

Ему и саму дома было и душно, и тесно, мать с отцом не ладили, нет-нет да пробежит искра. Отец, от греха подальше соберётся и уйдет в гараж. А дети сидят по комнатам как мыши. А потом он подружился с Дашкой...

Тук-тук, шварк. Анатолий разминулся с парнем на костылях в коридоре, а спускался по лестнице под странными взглядами курящей компании.

- Передумал? Покажешь фотку?

- Какую?

- Маню свою.

- У меня её нет. Давно не виделись. Да она сама через день приедет.

Парни переглянулись. И тут внести ясность решил Куба. Мол незачем темнить, за Маню скидку по ставке получил, мы просили хотя бы фотку показать, ты молча поднялся и ушёл. Сразу вернулся, решили, что одумался... Толик переводит взгляд с одного на другого, что-то в этой ситуации не так. Тут парень, который с дроном бодался, озадачено шепчет:

- Нога... Нога у него другая. Лицо то же, а нога больная левая. Это мы его брата пытали, то-то он свалил, половину сигареты бросил и ходу.

- Брат мой дома, пятый класс заканчивает. – Недоумевают Анатолий, но компания уже отвлеклась от его персоны. Куба анекдот травить начал.

Глава 8

С билетом на руках, собранным рюкзаком, за сутки до поезда Маня все ещё не верила в эту поездку.

Казалось, вот сейчас позвонит иранский Сева, сообщит что в боях перемирие, и он выезжает. И уже в Питере будет ждать их с Глебом.

Маня конечно обрадуется, с Сеовой они знали, что родной дом в любое время ждёт их. Да и вообще, он предложил планы на совместный бизнес. Конечно, Маня поднимет стоимость аренды. Со своей сердобольностью, питерские апартаменты сдаются по цене двушки её приятельницы в Домодедово.

Но вояж набирал обороты. Откликнулась невестка Дарья. Написала, что будет очень рада повидаться и познакомить Маню с Гордеем. Он уже богатырь. Главное, чтобы никаких вирусов. Маня сразу ответила, что вирусов и сама боится, как огня, поэтому приедет к ним не сразу с поезда, а через пару дней. Хорошо, что всё время она поддерживала контакт не только с Анатолием, но и его женой. Славно, что ребята приезжали к ним с Глебом в гости в Латвию. Было время пообщаться, посмеяться, шашлыки пожарить и по старой Риге погулять. Маня считает, что именно этот визит молодых, влюблённых и ещё не женатых ребят сделал так, что она стала общей тётёй. Внук тоже готов в любую минуту стартовать, но Маня не говорит ему, что решила рискнуть и ехать одна. Язык не поворачивается сказать, что в доме проблема с деньгами. Сева задолжал, расходы на выплаты за машину. Пришлось прилично вложиться в колёса, починить печку. Купить новые накидки на сидения в салон. Не жмотничали, ждали, Сева вернётся долг отдаст и всё войдёт в норму. Ждали сколько могли, и дождались что на билет выкраивать пришлось.

Так что уже прямо из Питера напишет, мол пришлось выезжать срочно. И если время до сдачи квартиры затянется, то она попросит внуков приехать, только уже пусть оплатят дорогу за свой счет.

Есть у неё ещё одна подвисшая проблемка. Юлька, больше полугода дурочка мучилась с мениском. Вчера наконец прооперировали. Девочка плакаться и стенать не умеет. Маня написала, как она там. Юлька не ответила. Ясно трясётся перед операцией, ни о чём другом думать не может и говорить тоже. Её стиль выходить на связь исключительно на оптимистической волне. Маня сама такая. Но вчера получила от Юльки сообщение. «Отоперировалась. Еду на такси домой». Маня рвётся позвонить, потом осаживает себя. И спрашивает осторожно – когда свяжемся. Юлька отвечает, что будет спать сколько сможет. Поест как следует и влюблю, раньше вечера поболтать не получится. Вечером Маня набрала, дала два звонка и отключившись написала, – не дозвонилась. Будет возможность напиши, созвонимся. Такие у них церемонии.

У Юльки четверо детей, работа дом в три этажа. Привет, привет можно сказать любому, но им надо поговорить. С кофе и сигаретами. Хотя без кофе обойтись можно.

Маня ждёт звонка и роется в письменном столе, ключ от питерской квартиры ищет. Перебрала четыре ящика в левой тумбе. Нашла три визитки, ключи от чего-то, две печати, старый блокнот с записями, которые до зарезу были нужны полтора года назад. Духи пробники, три флэшки, упаковку с длинными шпильками, но питерские ключи, как сквозь землю провалились. Есть по комплекту у старших внуков, у Юльки, у Глеба тоже свой. Но стоит у него спросить, и придётся перебирать ещё один письменный стол, штук пятнадцать коробочек в кладовке, шкаф с инструментами. На этот подвиг она не готова, пока с максимальной тщательностью изучит ящики в правой тумбе своего стола. На втором ящике и позвонила Юлька.

Ей богу, её приключения достойны пера Ильфа и Петрова.

- Так домой неслась, что капсулу из вены забыла вытащить. Такси ждёт, а я скачу обратно на четвертый этаж имущество вернуть.

Маня про себя чертыхается, наказывала старшему внуку, маму из больницы встретить всенепременно. После операции да на костылях, мало ли голова закружится. Юлька сына оправдывает – он в понедельник всё отменил и приехал, а выписали во вторник. Сама запуталась, считала, утром в операционную, отобедаю и домой. Хирург решил иначе. О нём у Юльки отдельный рассказ – операционные сестрички порхают вокруг, комплименты расточают, а он слушает и краснеет от удовольствия.

- Тоже как я, рыжий, но в операционной мы в шапочках, волос не видно. Я такая, готовая ко всему, в белоснежных компрессионных чулках. Артур Ильич смотрит на них с изумлением. Мол, через чулки оперировать ещё не доводилось. Снимает, и ищет куда положить. Нашёл, сунул за резинку трусов. Потом смотрит на мои пылающие щёки. У вас давление? Думаю, сейчас отменит операцию, а я к ней полгода стремилась. С чего вы взяли? Щёки красные. Так я стесняюсь, прямо как в стрипклубе, – комплимент в трусы. В операционной хохот. Наркоз в спину, внизу ничего не чувствую, но всё слышу и потолок вижу. Чик-чик. Ага надрыв небольшой. У лампы края зеркальные, вижу всё и комментирую. Мол, нельзя второй страховочный мениск добавить? Смеются, нарколог подходит и шепчет на ухо, будете нас смешить дам общий наркоз. Очнётесь, а все уже отрезали. И знать не будете, что именно. Так и подлатали. Но к обеду не успели, а я без ужина и без завтрака, приезжаю в палату голодная как волк. Понимаю, что до ужина ещё четыре часа, хотела у кого ни будь хоть пару печенюшек попросить.

Юлька делает паузу, Маня не сдерживается:

- Что не дали?

- Не посмела спрашивать, я их заморозила.

- Это как?

- В палате душно, все лежачие после операции. Взялась проветрить, укутала больных, окно распахнула и тут за мной транспорт прислали. Я на каталку, а окно закрыть некому. Хорошо, через два с половиной часа нянечка пришла, она и закрыла. Ну и меня диверсантку через пять минут привезли. Пришлось голодать.

К Мане на связь риелторы рвутся и латышский, и питерский, а она впитывает родной голос, наслаждается им. Анютка, младшая, вышла в отличницы. Кузя притащил домой костюм химзащиты и противогаз со сменными линзами. Спрятал его у себя в комнате в шкаф для одежды, а джинсы футболки по комнате раскидал. Беспорядок, так не помещается всё в шкафу. Юлька с инспекцией костюм находит. Реквизирует любимые джинсы и футболки:

- Будешь в этом защитном костюме ходить, пока не сносишь. Он прочный резиновый, надолго хватит. Да ещё и на вырост. Быстро нашёл для него место в гараже.

С Юлькой не забалуешь. Строгая. Но и весёлая, не даром дети все как один домоседы. Убирают и готовят дома по расписанию. К четвертому ребенку она наконец осознала, что за

школьными уроками надо с первого класса следить и всё проверять. Анютка отличница, а Кузя сам уже двух репетиров запросил.

Очередной звонок пробивается, Маня видит, что на связь рвётся Анатолий, и рассказывает дочке о его ранении, разладе в семье и о том, что намерена навестить племянника в госпитале, и чуть не проболталась, что уже в субботу его увидит. Рассказывает о Мишке, который для тренировки воли в штурма ходит. Юлька норовит перескочить на скользкую тему материнского здоровья. Но Маня начеку. Мол что мне сдается, 15 лет к докторам не заглядывала в своей Латвии, теперь время долги раздавать. Дочь не настаивает, сетования о латышском риелторе слушает вздыхая. Морока с зарубежной недвижимостью пошла у всех. Юлька знает, у них в коттеджном посёлке, кто квартирой в Болгарии обзавелся, чтобы на лето ездить, кто виллу на Ривьере прикупил. Второй год с визами проблема, а налоги и коммунальные услуги изволь платить своевременно... Больничный брат не будет, на работе без неё не обойдутся. Машина с механической коробкой. Бросила клич среди знакомых, три велосипеда привезли. Оказывается, ей три недели педали тоже крутить нельзя. Пока будут забирать и привозить сами сотрудники офиса. Как министра. Уже начали прощаться – пора, второй час пошёл, как болтают. Юлька просит скинуть ей телефон Анатолия. Маня пересылает и сообщает, парень сию минуту доложит дочке, что матушка едет, вон уже и билет прислала. Хитрить и юлить не её стезя. Звонит Толику раз, другой – занято. Строчит сообщение: «Юля позвонит не говори, что я еду». Никакой реакции! Сдаст ведь ни за грош и разом пресекут все её планы. Насядут, дорога неблизкая, тяжести поднимать нельзя, без сопровождения никуда не поедешь. С Глебом ещё можно договориться, а с Юлькиным семейством, лично ей ни разу не удавалось достичь консенсуса ни по одному вопросу. Дела мигом выскочили из головы. Пробовала подобрать пару футболок, носки на смену – всё валится из рук. Отправилась с телефоном на кухню, пока не купирует угрозу, всё равно ничего делать не сможет. На шестой попытке Анатолий откликнулся.

- Тебе не Юлька звонила?

- Пробивалась, но я с ребятами с ленточки говорил.

Маня выдыхает, повторяет просьбу, присланную в МАХе. Берёт с парня слово, что не проболтается и будет молчать как партизан на допросе.

- Прямо в точку. Ребята сегодня себя так называли, только с уточнениями партизаны-одиночки. Укрытие на одного, выход в рейд цепочкой по одному, держать дистанцию 30 метров. Что бы в зоне видимости и разброс живой силы для вражеских снарядов. На задание без телефонов, связь с командиром только по рации, которая всегда у старшего. Партизаном было хорошо, селились в глубокой чаще в землянках с буржуйками. Костры жгли, а наши на тушёнку смотреть уже не могут. От бомжпакетов аж тошнит. Почти час рассказывали, какое у них счастье случилось – бродячая корова на mine подорвалась. Говядины заготовили на неделю. Говорят, такой аромат от бульона по округе стоял, что посты дополнительные выставлять пришлось, чтобы укропы обед не отбили. Разговорился племянник, может всё наладилось? И скорая спасительная помощь больше не требуется? Смеётся над тёткиным вопросом, не до конца, но в этом направлении есть серьёзные подвижки и перспективы. Маня приедет, и Дашка согласилась с ней встретиться. Сама она не уверена, что сможет растопить камень обиды на сердце невестки, при первой же встрече. Только Анатолию говорить о своих сомнениях незачем. Вера и надежда, хорошая опора во всех делах.

Вот сейчас она переберёт второй ящик правой тумбы письменного стола, обнаружит там штук пять старых потерь, а если повезет, и ключ от питерской квартиры. Повезло сразу, оказался в барсетке с латышскими документами. Хорошо, молния была не закрыта, он первым и вывалился, а следом ещё два. Знать бы от чего они. Сейчас повесит на ключницу в коридоре, откуда она свой поиск начинала. И можно считать, что ключи на своём месте.

Маня продолжает укладывать вещи в рюкзак и думает о любви. Не о конкретной, а вообще. Как она зарождается и почему потом умирает. Уж она то это знает. По личному опыту, зарождение чувства проходит одинаково - взгляды встречаются и замирают. Наверное, в это время невидимый Амур прицелился и натянул тетиву лука. Нет, Амуров должно быть два, чтобы стрелы полетели синхронно. Одна в него, вторая в неё. В общем невидимые стрелы пробивают защиту, настороженность, настраивают резкость, дабы жертвы или избранные (время покажет) в нужных местах ослепли, в других рассмотрели и приукрасили что-то главное. Пара законтентилась и подает друг другу сигнал, мол есть контакт. Потом они начинают разговаривать, не важно о чём, первый разговор это всего лишь средство незаметно размягчить место поражения стрелой. Удержать, закрепить, пустить в невидимую рану специальную любовную смесь. Она проникает, разрастается, и очень быстро берёт в плен внимание, захватывает в пучок мысли, выдёргивая из них всё, что может помешать разрастанию этой смеси в особи. И вот уже два раненых на свидании сплетаются взглядами, мыслями. И каждый из них думает, как же ему или ей повезло встретить такого замечательного, чуткого, совершенно особенного, бесконечно благородного и приятного во всех отношениях. Кажется, кто-то от огорчения писал, как женщина мечтает завести себе котика, породистого с особым раскрасом. Просматривает сайты, приценивается. День мечтает о ласковом пушистом комочке, неделю. А потом вечером идёт домой и замечает на улице дрожащего, мокрого, блохастого несчастного котёнка и тащит его домой. Желание исполнилось? Не о таком мечтали? Так сами принимали решение – отмывайте, прививайте, обустраивайте ему корзинку с мягким матрасом и специальной мисочкой.

А не заладится, можно всегда на кого-то списать, мол любовь зла – полюбишь и козла. Ну это так сказать крайность. Есть такие дамы, которые и приличного молодого человека, своими закидонами до состояния козла доведут. Если, конечно дражайшая половина вовремя не спохватится и не поставит защиту. Вон Алексей, отец Анатолия, выдержал напор избранницы. Да, любовь через 18 лет завершилась разводом. Старший Анатолий школу закончил, с институтом определился, Дашку полюбил. Они и развелись. А что, если Даша и Толик тоже на пути взаимного излома, а она вмешается. Помирятся, будут жить как кошка с собакой, терзать друг друга на глазах у Гордея и считать её, Маню, во всём виноватой. Мол, приняли в своё время правильное решение. А эта вмешалась, и вот результат. Маня вспоминает приезд ребят в Латвию, как они идут рядом, сцепив мизинцы на руках. Как смотрят друг на друга и молча, только взглядами, разговаривают. Не надо быть провидцем чтобы понять, эти друг друга любят. И время всё подтвердило. Анатолий получил по мобилизации повестку, и ребята сразу в ЗАГС. Приехал на неделю домой, и появился на свет Гордейка.

Желанный здоровый малыш, на радость родителям, бабушкам и дедушкам. А потом злые завистливые силы решили попробовать эту любовь на прочность. И она получила первый неожиданный и мощный удар под дых. Не рассыпалась, но надтреснула. И чем дольше ребята будут выжидать, лелея свои обиды, трещина будет расползаться, расширяться, углубляться. И наступит момент, когда заштопанная и заклеенная, она оставит внутри яд подозрений, разрушающий любовь и полное доверие. Любовь надо беречь, лечить и укреплять в четыре руки. Пока она не обростёт совместными привычками, воспоминаниями, обязательствами и ответственностью. И тогда можно будет надеяться, что пара будет жить долго и счастливо. Поддерживая друг друга встречать старость, печали и радость. Как они с Глебом, например. Хотя нет, такого как её муж больше на свете нет. Но ведь и Анатолий тоже такой на планете единственный. Хотя здесь Маня ошибается и очень скоро своими глазами в этом убедится.

Анатолий проиграл. Он ставил на то, что перемирие в Иране Трамп заключит и Ормузский пролив откроют. Вечером пересчитал сигареты и понял, что до приезда Мани того что есть, за минусом проигранных 10 штук не хватит. Будет искать гонца, который ребятам привозит всё, что закажут. Включая маринованные грибы, малиновое варенье и даже водочку. Употреблять конечно в госпитале нельзя, но парни приспособились приложиться на прогулке. У самого Анатолия на крепкие напитки табу с момента переезда из дома к Даше. Папочка в её семье был большим любителем выпить и покуролесить. Пришлось вернуть его на родину в Вологду, а запах спиртного из квартиры выветривали месяца три. Это Дашка так говорила. Анатолий сомневался, у него отец не монах, бывает выпьет и друзей приведёт. А когда дяди погостить приезжают, так обязательно чтобы на обеденном столе бутылка стояла. Дверь на кухню закроют, выпивают, разговаривают, курят, вытяжка на максималке гудит. Наверное, жене в подкорку история с отцом пьяницей отложилась. А он и не возражал. Нет так нет, тем более что в доме мальчишка подрастает. А вот курил он на балконе, иногда с тещей, когда она не в рейсе.

В госпитале расход сигарет вырос в четыре раза. Пачки хватат на полтора дня. Так что, проигранная ставка обернётся неудобствами. Сначала сократит употребление, за один раз одну сигарету. Ну и поиск курьера, чтобы купил и привёз пару пачек. Маню попросит сразу блок принести. Похоже приедет она ненадолго, хорошо если пару раз навестить успеет.

За думкой своей Анатолий забыл о новостях, пока Куба не подошёл, сообщил, что Израиль перемирие нарушил, долбанул и убил в Ливане 240 человек. Сделка стало быть сорвалась. Куба теперь в проигрыше. А Толик получается в плюсе и может хоть сейчас требовать себе пачку сигарет. Но не спешит, американцы они такие, всё переиначат в течение пяти минут. И если наши со своим душком Анкориджа готовы принимать обещания за чистую монету, то на востоке хитрят. Дonya курдов вооружил от души, договорился о месте высадки десанта, чтобы эти бравые ребята американский десант встретили и поддержали огнём. Они и поддержали, только стреляли не в иранцев, а лупили из американского оружия по их же самолётам. Да ещё и кино снимали. Толик видел на экране как крыло транспортного самолёта загорается от снаряда. Подбитые вертолёты кружатся в падении. На первом плане часть лица парня в специфическом берете КСИР, его радостные возгласы. А фоном комментарий Трампа – мы достигли своих целей. Старые самолеты доставили бронетехнику. Увязли в песке, но они по плану и не должны были взлетать. Сгорели по приказу. Анатолий смотрит и смеётся над ужасным и коварным Доней. Детскую сказку, кажется Чуковского, про рыжего таракана вспоминает, которого все боялись, а прилетел воробей и съел его. Он обязательно эти весёлые сказки Гордею читать будет. И объяснять, что страх порой только кажется большим. А на самом деле, любую опасность можно обойти, устранить или победить. Главное верить в свою правоту. Анатолий по чину всего лишь сержант, но одобрил уничтожение техники, доставленной американцами для проваленной операции. Оставить на вооружение противнику глупо. Это наши, когда от Харькова войска отводили, целые колонны пооставляли со снарядами, тяжёлым оружием. Может укропные офицеры с нашими в одном военном училище науку грызли. Столковались и за небольшую мзду подарки и оставили.

А ещё он восторгается курдами, не стали гордо упираться, мол в этой войне мы со своими братьями. Обманули рыжего Доню, как мальчишку. Может когда-нибудь и украинские командиры сообразят в какой стороне их враг. Который в Украину использует, как полигон для тестирования нового вооружения, параллельно проводит зачистку территории от населения и сдерживает Россию. В выигрыше только Зеля с командой, да те, у кого денег хватило свалить на Запад. А большинство-то остались, выживают как могут, без света, воды, канализации. Под бомбёжками, хоронят своих детей и мужей, жизнь свою хоронят. Дедов предают, детей ненавистью травят. Живут так, будто завтра всё разом кончится и держать ответ даже перед собственной совестью не придётся.

В армии у них прапорщик украинец был, гонял пацанов до седьмого пота. И что интересно, со старшими по званию говорил на русском, без всякого намёка на акцент. А со срочниками исключительно на суржике. Его передразнивали, обсмеивали на перекурах. А зря, эта манера говорить, многим пацанам на фронте жизнь спасла. Напорются разведчики на укров и давай размовлять, сначала заморочат голову, а потом уж как получится.

Анатолий один, присел на подоконник в курилке, сообщения просматривает. Сплошные религиозные картинки, правильно в предстоящее воскресенье пасха. Набирает маму, узнать если приедет, пусть Мишку с собой возьмёт, скучает он по брату. А список того что требуется он пришлёт. И начнёт его с сигарет. Главное уточнить, когда собирается, чтобы с Маней не пересеклись. Ему с тёткой тет-а-тет пообщаться надо. К пасхе мать, наверное, крашенные яйца принесёт. В последний визит, вербные ветки с почками принесла, стоят на тумбочке в бутылке. Толик сначала воды налил, а потом ему подсказали ветки должны высохнуть и храниться в доме год, как оберег.

Анатолий смотрит в окно на серое небо, слушает капли дождя, видит, как запахивает куртку и бежит из соседнего корпуса женщина.

На ногах тапки, из-под куртки полы белого халата, а голову прикрывает папкой. Не пасхальная какая-то погода. В его памяти этот день всегда солнечный и яркий. Все старались поехать в Лахту. Дом дедовский большой, участок тоже. Храм недалеко. Детей собирали и свозили Мане со старой бабушкой, заранее. Благо ехать на электричке от Финляндского вокзала десять минут. А взрослые уже позже решали кто с ночёвкой, кто одним днём. Все с продуктовыми сумками, напитками. Детям лимонад, шоколадки, пустышки всякие. А они с Мишкой крашенных яиц ждут, разложат их по карманам и уйдут за дом под старый смородиновый куст сражаться. Сначала он у брата почти всё выиграл. Отец научил плотно зажимать яйцо в кулаке бить только острым концом и резко. Мишка первую половину партии проиграл. Потом оставил брата ждать пока он в туалет сбегает. Вернулся и разбил остатки Толькиной яичной армии вчистую. Проконсультировался, принёс яйца не луковой шелухой окрашенные, а с приклеенной яркой плёнкой. А уж технике удара его тоже кто-то научил. Они тогда подрались, не честно это, обёрнутыми защитной плёнкой, простые крашенки разбивать. Анатолий, как водится, Мишку повалил прямо на траву. Они катаются, а мамы прибежали, прервав хлопоты над праздничным обедом, и давай размахивать полотенцами, стараясь попасть по сорванцам.

Носы они друг другу не разбили, но праздничную одежду изваюкали прилично. Сколько им тогда было? Лет по восемь, если тётя Рая ещё жива была. Они с Мишкиным отцом, как раз через месяц после этой пасхи, на машине и разбились. Он с Мишаней больше не дрался, двоюродного брата привезли к ним домой, пока решали кто сироту к себе возьмёт. А так пацан не один будет. Анатолий Мишку поддерживал, жалел и даже свой велосипед ему давал. А потом, ближе к школе Миша вернулся, и жил уже с бабушкой и дедушкой до самого выпускного. Те оставили своё хозяйство в новгородской деревне и переселились ради Миши в Питер. Взрослыми они не часто встречались, но на их с Дашкой свадьбу Михаил приехал. А после, оба на фронт. Дашка быстро с кузеном подружилась, у неё вообще получается притягивать к себе людей.

И Мишку тоже, потом бросила ему, что братья должны встречаться чаще. Анатолий не против, но не всегда получается. Странно, пока была жива старая бабушка, собирались по главным праздникам – новый год, 1 мая и 7 ноября с салютом, пасха, 8 марта. Правильно, все должны бабушку поздравить, если поодиночке, ей придётся с каждым отдельно, чай распивать. А так собрались хором, озвучили пожелания, вручили букеты и подарки, а заодно и между собой пообщались. Он смотрит в окно, на смену дождю полетели снежные хлопья. В воскресенье пасха, а на день космонавтики всегда праздновали день рождения старой бабушки. Приходили в лёгких куртках. И здоровья желали космического. Дарья, старую бабушку в живых не застала, только разговоры о ней. Зато подробно изучила все семейные альбомы. Назвала бабулю Мадам, удивлялась, что в таком возрасте она спину держит так, что не каждая молодая сумеет. А Маня ей, когда в Латвию приезжали, объяснила, бабушка из балетных. В Кировском танцевала, не прима, но всё же. А потом хореографию преподавала в Вагановском. А для фигуры и спины, специальный корсет носит, на нем аж тридцать крючков. Сама себе сшила. Это умение помогло ей заработать на две кооперативные квартиры для детей, а сама так и осталась в коммуналке, верила, что Горбачёв свою программу «Жилище 2000» выполнит и коммуналки исчезнут как позорное явление. Дашка потом фотографию старой бабушки увеличила, отнесла художнику чтобы портрет нарисовал. У них родня вся далеко, тёща после института домой за Урал не поехала. Квартиру от предприятия получила. А родня за Уралом осталась, а по отцовской линии все в Вологодской губернии. И те, и другие, особо не роднились. А старая бабушка хранительница рода, и она Дарья, теперь к нему принадлежит.

Но родственные сборы быстро сходили на нет, теперь собирались в основном на похороны. А как бы хорошо было встретиться с Дашкой и Гордеем на чьём-нибудь дне рождения. И там устроить так, чтобы кто-нибудь забрал Гордейку, чтобы они могли удалиться от суеты и объясниться. Хорошо бы у Мани на днюхе, к ней Дашка точно приедет.

Анатолий так глубоко занырнул в свои мысли, что не замечал, как приходили и уходили ребята. Не слышал их шуток, разговоров.

Пока Женя его за плечо не потряс:

- А вы что с братом в контрах? Смотрю сидите вдвоем, костыли прислонили, курите. Решил не спускаться, понаблюдать. Он свою загасил, ушёл и слова тебе не сказал. Если поссорились, давай я вас помирю. Не хорошо с братом-близнецом в разладе быть, да ещё в такое время.

- Нет у меня никакого близнеца! Младший на десять лет брат есть. Где ты его нашел?

- Да у нас на этаже. Я с ним несколько раз, как с тобой здоровался. Путал, лицо у вас одно и пижамы здесь у всех одинаковые. Только он молчит всё время.

Анатолий плечами пожимает, придумали пацаны очередной розыгрыш. Ещё не хватало ему купиться и посмешищем стать. Небось ждут что помчусь по этажу, буду в каждую палату заглядывать самого себя искать. А они наблюдать и смеяться.

Анатолий сползает с подоконника тянется за костылями и направляется к ступеням. Женя оставшись один листает телефон.

У телевизора сегодня аншлаг, парни следят за новостями, чтобы понять, кто в их импровизированной букмекерской палате, всё-таки выиграл. Пролив, иранцы не открыли, выкатили американцам план перемирия из 10 пунктов, среди которых оставляют за собой право взимать пошлину при проходе судов. 2 миллиона с одного танкера. В мире уже посчитали, что в этом проливе нефть может подорожать на 2-4 доллара за какой-то неведомый галлон. Анатолию высчитывать лень, если бы объявили, насколько подорожает бензин, он сразу бы и понял. А так, поди разберись как, где и когда эта нефть превращается в топливо для машины.

В холле, перед голубым экраном устроили дебаты, народ возмущается, мол америкосы откатили, уничтожив собственные самолеты, а на весь мир заявляют, что они победили.

Дальше сообщают, что ракетный фрегат «Адмирал Григорович» гордо проследовал через Ла-Манш, сопровождая два русских нефтяных танкера. Назло британским властям, которые объявили, что будут захватывать русские танкеры с нефтью. Нормально, если как сказали по телевизору, за три месяца этим маршрутом прошли 300 танкеров, а всего их в гараже теневого флота 700. То сколько же вооруженных фрегатов ещё понадобится.

Анатолий слышит, как парни радуются, что наши корабли оцетинившись ракетами идут мимо Англии, те провожают жадным взглядом подорожавшую нефть, а руку к ней протянуть боятся. Интересно, куда она идет через Ла-Манш? Не просто же, чтобы подразнить Стармера. Кульбиты с проливами воодушевили раненых бойцов на смелые предложения. Единодушно решили, что пора объявить Чёрное море для всяких нерусских судов платным. А что, Эрдоган на Босфоре проходные билеты тоже продаёт. Шастают нескончаемым потоком разные суда, экологию загрязняют. Крым снова и на веки вечные наш, пришлось там много чего строить и ремонтировать. Одесса и Николаев на подходе, боевые действия, на которые западники толкнули Украину и Россию, тоже в копеечку влетают. Так что нечего задаром по Чёрному морю ходить. И никаких румынов с болгарам к этой пошлине не подпускать. Мы можем гарантировать судам безопасность, а эти о себе самих позаботиться не в состоянии, сидят под юбкой Ляйн, наговская дубина за спиной, а туда же.

В преддверии Пасхи ожидается очередной обмен телами погибших, Россия в феврале передала 1000 тел, украинцы отдали 35 наших павших. Тоже неплохо – они и своих то не забирают. Анатолий слышал, что ближе к фронту, где намечается серьёзная схватка, укропы подтягивают передвижные крематории. А в местах тяготных позиционных боев, тела их бойцов долго остаются лежать там, где их настигла смерть.

Анатолий задумывается, а если бы не товарища, а его в окопе тогда изрешетило, что бы он предпочёл, чтобы ребята из бригады, рискуя собой, выносили его тело, или оставили на время. Товарища забрали той же ночью. Его раненого вытащил Арчел, как только стемнело. Он никогда о смерти не задумывался, хотя пятый год ходит и ездит с ней по одним дорогам и тропинкам. В любой момент пути могут пересечься. Бойцы не оставляют расположений, как их похоронить в случае чего. Каждый свято верит, что он то уж точно выживет. Но вокруг столько примеров, – всё может сложиться и по-другому, и тогда... А, тогда Анатолий предпочёл бы попасть в передвижной крематорий, чтобы никто не мог точно сказать родителям, жене и сыну, что его больше нет. Они бы надеялись ждали, а его душа навещала бы родных, наблюдала как растёт сын. И периодически разговаривала со всеми во сне. Если мать, отец, Дашка не будут знать точно, что его нет в живых, то и пугаться не станут...

Глава 10

В купе напротив две соседки возраста старших внуков. Маня, ясное дело, присматривается к ним взглядом свахи. Девочки не спешат раскладывать простыни и надевать наволочки, хотя поезд отчалил от перрона ровно в час ночи. Они сидят в позе лотоса листают свои телефоны, хихикают показывая друг другу экраны. Маня сунула свой рюкзак под полку, посматривает и ждёт. Четвёртого пассажира пока нет, а вдруг он окажется молодым, крепким и отзыв-

чивым. Согласиться поменяться с ней местами, и тогда уже давно не спортивной Мане не надо будет с риском для жизни карабкаться наверх. Перрон отходит, четвёртого нет и есть надежда что и не будет. Маня уже прикидывает, вот сейчас проводник проверит документы, она потихоньку спросит, можно ли занять вместо верхней, нижнюю полку и сразу начнёт раскладывать постель. Погрузившись в свои планы и мысли, она рассматривает причёску у девушки слева и пытается понять, как ей удалось устроить из длинных волос и мягкой колбаски, на голове корону. Бант спереди и ни грамма косметики всё вместе создавало иллюзию, что напротив неё едет истинная московская барышня на выданье с позапрошлого века. Нарушали иллюзию только коричневые легинсы которые, надо отдать должное, демонстрировали красивые ноги. Яна могла бы подойти как невеста старшему Тому. Вот они, Том и Яна приезжают к ней в городок, скромные, сдержанные. Маня угощает их блинами, Том взбив сметану с клубничным вареньем, заворачивает смесь в блинчики и свернув их в трубочку запикивает край в рот. Яна осторожно орудует ножом, отрезает крохотный кусочек и аккуратно отправляет его в рот. Из блина Тома выползает сметано-клубничная колбаска падает ему на брюки. Но Яна не кидается с салфеткой к неряхе, более того, она не произносит ни слова, пока Том покраснев трёт салфеткой ногу. Девушка улыбается Мане и говорит, что она тоже любит печь блины, но такие тонкие не получаются. Маня выдает ей бабушкин секрет, замешанное тесто надо помешивая залить кипятком и прямо туда добавить немного подсолнечного масла...

Дети сидят рядышком, лица спокойные и Маня понимает, что отношения у Яны с Томом ровные и глубокие. И когда внук сообщит, что он намерен сделать ей предложение, Маня тоже подпрыгивать от восторга не станет. А просто скажет, что ей тоже показалось, что Тому повезло и он нашёл свою половинку. Невесткам Маня приготовила по фамильному перстню, но решила, что вручит их только после рождения первого ребенка. Маня смотрит на Яну с короной и боится, что такой Том, с первого взгляда может не понравиться. Он ходит с копной соломенных волос на голове и так гордится причёской, что собирает её в хвост только перед сном. А на улице именно из-за причёски его часто называют девушкой, пока не видят лица. А это уже своеобразный вызов окружающим. Яна наоборот, драгоценность, скрытая от лишних взглядов. Но они могут познакомиться и увидеть друг друга, например, вот здесь в поезде. У Тома билет на эту самую нижнюю полку, о которой сейчас мечтает Маня, он опаздывает, прибегает со своим рюкзаком, обнимает свою бабушку и...

- Добрый вечер! – Маня задирает голову и видит молодого человека, коротко стриженный, открытое лицо, смуглая кожа и взгляд без эмоций. За спиной рюкзак, но это не Том. Маня встаёт, чтобы парень убрал багаж под полку. Говорит, что её место наверху. Парень бросил в её сторону равнодушный взгляд, присел к столу, тут же поставил на разрядку телефон и уткнулся в него. Маня усвоила, что сосед не намерен меняться с ней местами, принимает ситуацию и начинает соображать, как ей с ростом метр шестьдесят, разложить простынь наверху. И каким образом вообще она туда заберётся. Спасительной лесенки почему-то нет. А ещё отмечает, что в её купе скорее всего едут студенты, но девушки с появлением симпатичного парня, интереса к нему не проявили, и он сам тоже не отреагировал на прелестниц. В Маниной молодости компания сложилась бы на первой минуте, пошли бы шутки и улыбки. Но трое с телефонами перед глазами оказались просто вежливыми соседями, вынужденно собранными в этом купе. А главная реальность у каждого своя, там в телефоне. Ей можно поделиться с подружкой, а можно и не напрягаться. У поколения её внуков модель поведения другая, чем была у её сверстников лет эдак тридцать пять назад. Анатолий с Дарьей, лет на семь постарше, но тоже не выпускают телефона из рук. Если бы можно было решить проблему с женой, посредством мессенджеров, Анатолий не звал бы её Маню на выручку, способную говорить глаза в глаза с кем угодно. Угнездившись кое как на свой полке, Маня перестала «женить Тома», приказала себе спать – завтра обещает быть напряжённым днём. Предстоит, как минимум протереть пыль на 90 квадратных метров в квартире. Упаковать севины вещи и каким-то образом доставить

их в пункт Яндексa, чтобы отправить посылкой в Москву. На всё про всё одна пятница, на 10.00 в субботу назначен первый просмотр, и ещё через каждые 2 часа три просмотра. Если не поспать, она просто не справится. Глеб несколько раз попытался втянуть её в переписку. Но Маня пресекла его диверсию – сплю завтра трудный день.

И действительно, уснула по собственному приказу.

Маня лежит на своей полке, смотрит в окно и видит вдоль дороги людей, лица растерянные испуганные. Некоторые тащат по склону сумки, трое с повязками на голове и руках. Она понимает, это пассажиры из поезда, который несколько дней назад где-то в Поволжье сошёл с некондиционных рельсов. Их поезд, пока следует заданным маршрутом Москва - Санкт-Петербург, но всегда есть риск не добраться до места. Даже в мирные времена похожий поезд потерпел крушение на станции Бологое. Маня делала репортаж, ожидая вместе с родственниками на Московском вокзале прибытия уцелевших. Люди напряжённо водили пальцами по спискам пострадавших, и не обнаружив в них фамилии своих облегченно вздыхали. Маня подходила к ним спрашивала кого ждут, что подумали, когда узнали о беде. И все отвечали, что был шок потому что поезд — это самый надёжный способ перемещения. Летать самолетами куда опасней. Но это было советское время, тогда не рушились плотины, за их состоянием следили специальные службы. Дроны с мощными зарядами не падали на крыши домов, и человек укладываясь спать, строил планы на следующий день и мог процентов на 99 быть уверен, что осуществит задуманное. Сейчас наступила другая реальность, тревоги и неуверенности ни в чём. Или это только она Маня живёт без уверенности и то потому что прожила бурную жизнь с перестройкой, перестрелкой, революцией с победившим капитализмом и войной на Украине, как обратным процессом возвращения страны к традиционным ценностям. Бенефициары капиталистической революции упираются изо всех сил чтобы остановить процесс. Поезд идёт, а пострадавшие пассажиры за окном остаются в поле зрения Мани. Но её интересуют трое внизу. Анатолий положил костыли на пол, раненую ногу на полку, сидит, прислонившись спиной к стене. Одет в пятнистую форму, сверху бронежилет. На соседней полке Даша. Волосы разделены на прямой пробор, гладко зачёсаны и скручены пучком на затылке. Она в спортивном костюме цвета беж, сидит в стороне от столика, покачивает детскую автомобильную перевозку одной рукой, а во второй что-то просматривает в телефоне. Лицо бесстрастное. Маня затаилась, ждёт. Муж и жена, волей судьбы после жёсткого разлада оказались в одном купе, они не могут долго молчать. Кто-то заговорит первым. Лучше Дарья, например, попросила покачать Гордея, пока она отлучится в туалет. Анатолий бы ответил просто – конечно, Даша встала и ушла, а он пересядет к ребёнку ближе и будет любовно смотреть, как потихоньку двигается соска во рту спящего малыша.

Но ничего не происходит, глупая молодёжь упускает шанс возобновить хотя бы формально контакт. Анатолий, например, мог бы заказать проводнику два чая. Хотя, как это сделать? На костылях надо идти в конец вагона, пол качается. Наверное, надо спуститься и заказать самой на троих, предложить последить за малышом, чтобы Даша поднялась наверх и, хотя бы часок поспала. Спросить у Толика, не надо ли чего ему. Он догадается попросить подать костыли... И как ни будь завяжется разговор, и с этой дорожки можно будет вывернуть на главную тему. В которой племянник сможет сказать любимой, как он сожалеет о своей ошибке. И она всё совсем неправильно поняла. А он любит, и докажет ей это, если только она Даша, позволит быть рядом с ней и сыном. Но Маня продолжает лежать на своей полке, за окном с сумками и бинтовыми повязками пассажиры аварийного челябинского поезда. А внизу, две замёрзшие молчаливые фигуры поссорившихся супругов. Маня радуется, что они хотя бы не ругаются, и начинает спускаться. Чтобы успеть, до прибытия на перрон Московского вокзала, вовлечь в разговор эту упрямую парочку...

Во сне она спускалась или уже наяву, так и не поняла. Первым делом в туалет, по спящему вагону. У пассажиров молодые лица, некоторые едут с детьми. Ни на одном столике нет ни

пива, ни домашней курицы. Люди путешествуют по-новому, в дороге ведут себя сдержанно. И это Маню порадовало. Раньше дорогу использовали, чтобы расслабиться, вырвавшись из дома рассказать без прикрас о своих бедах соседу, всё равно больше не встретятся. Или наврать в три короба. Бесшабашный советский человек, готовый выпить в любой момент, потравить анекдоты, знакомиться со всеми подряд, растаял без следа. Бесшабашностью и отстраненностью от политики он оплатил потерей понятного будущего для себя и детей и утратой большой страны СССР. На замену советскому поколению поднялось и заколосилось новое, которое на всё смотрит через призму цены. И чем раньше школьник осознает это, и начнёт выжимать из учёбы всё, что только возможно ради собственного будущего, тем надёжнее место для себя он в этом будущем займет.

Маня на уровне интуиции это понимает, но сосредоточенность внуков на себе её тревожила. Пыталась внушать им свой, как ей казалось правильный, взгляд на жизнь. Пока зять, который боготворил Ельцина за то, что президент позволил ему разбогатеть, не осадил тещу. И как правильно это сделал, шельмец! Заявил, что обеспечивать безопасность и полное содержание детей, дело отца и матери. Бабушка же, может с ними гулять, читать книжки, угощать вкусненьким, дарить подарки. И баста. Тем более такая как Маня, которую растила бабушка по стандартам прошлого века. А если бы она тусовалась с детишками во дворе, бегала с ними на танцы, ездила на картошку, то хватило бы ума не отказываться от директорства в каком ни будь захудалом магазине, которое ей предлагали перед самой приватизацией. Возразить Мане было нечем. Можно было приватизировать, потом продать и жить себе припеваючи с кэшем. Правда был аргумент, дескать если бы она приватизировала крупный магазин, то ему зятю, её славной рыжей девочке, которую он любит до потери пульса, было бы не видать, как своих ушей. Но под такой заявкой неглупый зять мигом увидел подстрочник – мол ты не слишком то хорош для нашей семьи. И одобрен в качестве жениха исключительно по деловым и организационным качествам. Хотя ошибочка вышла, деловой и предприимчивый, с уходом Ельцина и приходом Путина, как-то быстро разорился. Хорошо не до нуля. Маня же его и успокаивала, мол жизнь полосатая, бывают тёмные, бывают белые полосы. Надо перетерпеть, собраться после чёрной с силой, и начинать всё заново.

Но слава богу у Юльки с мужем всё ровно, если и есть разлады, Мане о них ничего не известно. А вот Анатолий сглупил. Маня возвращается в купе и представив, как сложно будет забираться обратно на полку приходит к выводу, что выпалась уже достаточно. Вот сейчас проглотит свои таблетки, съест половину банана и будет два с половиной часа ждать, когда появится наконец перрон. Она пристраивается на кусочек полки и среди сонного царства погружается в режим ожидания.

Время тянулось, раз в десять медленнее чем обычно. За спиной сердито ёрзал спящий сосед, стараясь столкнуть часть Маниной попки с полки. Но она не сдавалась. До прибытия час сорок, столько она на ногах не выстоит, а забираться наверх тяжело. Если бы сообразил и поменялся со старушкой местами, дрых бы сейчас вольготненько. А так пусть себе терпит. Или просыпается и остаток пути преодолевает сидя. На момент подъёма она, так у ж и быть, уйдет в тамбур. Но просыпаться парень не желал, так они и продолжали молчаливое противостояние. Сидеть копчиком неудобно и Маня решила пойти поискать возможность покурить. Вагон у неё первый, значит сразу за локомотивом. Можно попробовать в тамбуре открыть дверь, и встав на сцепление, выкурить утреннюю сигарету. Тогда мозги включатся на полную катушку и можно хотя бы в своих фантазиях сворачивать горы забот и хлопот.

Перед дверьми в тамбур её застучала проводница. Доброе утро, и вам того же. Маня сообщила о задуманном сигаретном преступлении и даже поделилась методикой его осуществления. Проводница Наташа на минуту оторопела, потом кивнула, но вслух сказала, мол меня здесь не было, я ничего не знаю. Маня честно дождалась, когда Наташа закончит свои дела и юркнула в тамбур, а из него в переход между вагонами. Внизу уплывали шпалы, Маня качалась,

схватившись левой рукой за поручень, а правую с сигаретой подносила ко рту, делая глубокие затяжки. Вдумчивого курения, к которому она привыкла, никак не получалось. Зато на половине сигареты закружилась голова. Свалиться в грохочущем пространстве не входило в планы отчаянной курильщицы. Бросив сигарету под колеса, она вывалилась в тамбур, и почувствовав под ногами твёрдую почву вспомнила, что жевательная резинка осталась в кармашке рюкзака, засунутого в самый угол под полку. В любом случае придётся ей распространять по купе табачный аромат. Полоскание под краном мало что изменило, но Маня всё равно вернулась на своё место, попутно заказав Наташе стакан чая и вафельки. Чай и кофе она давно вычеркнула из своего меню, но сейчас это повод сесть к столику поближе на законных основаниях.

Вцепившись в подстаканник, она увидела в окно мост через обводный канал и прихватив рюкзак направилась в тамбур. Сейчас сони повскакивают, начнут собираться, толкая друг друга на выход. Искать свои кроссовки и туфли, подпрыгивать от нетерпения перед дверью туалета. Лучше она эти десять минут посмотрит из тамбура на дома и дороги родного города. А потом...

Потом едва сделала первый шаг на перрон, угодила в объятия подруги.

Галя, несмотря на то что, по просьбе подруги прихватила с собой стопку коробок, не поленилась подойти прямо к вагону. Расцеловавшись они направились к метро, не забывая вываливать друг на друга самые последние новости. Дочь у подруги в свою ковидную коллекцию добавила очередную модификацию. Внучка превратилась в принцессу, теперь хитрым способом пару раз в неделю устраивают им видеосвязь и Галя читает ей русские сказки через телефон. Внучка Мира, путается в языках и задаёт русской бабушке вопросы на финском. Часовой сеанс сказок пролетает, как одна минута. Там отключаются, а Галя продолжает мысленно говорить ласковые слова своей внучке. Которую злые политики стараются от неё отгородить, отключив сначала ВА, потом Телеграмм. Через 10 минут уже в метро, Мане кажется, что с подругой они не виделись каких-нибудь пару дней, а не два года.

Они разговаривают в вагоне, потом по дороге к эскалатору, периодически останавливаясь чтобы воскликнуть – «вот это, да!» и сделать круглые глаза. Не заметили, как вошли в подъезд, вынули из почтового ящика почту, и оказавшись в коридоре, чуть не споткнулись о раскиданную в прихожей обувь. Сева уезжал в спешке, а они не сразу включили свет.

Глава 11

В курилке митинг, кто-то вычитал в МАХе интервью Пескова. Мол до окончания конфликта на Украине остались считанные километры. Вот дойдём до административных границ ДНР и объявим о своей победе. Всего несколько строк, а служивые курильщики всполошились.

- Это что же, оставим супостатам Харьков? Не будем брать Одессу с Николаевом? Небось порешали всё толстосумы! Пригрозили им всё награбленное здесь, забрать там.

Анатолию митинговые страсти в палате надоели, но здесь эмоциональная волна зацепила и завихрило мыслями. Он 4 года колесил по фронтам, за спиной полный кузов снарядов, в любую минуту от случайного дрона так грохнет, что и кусочков не останется! А тут вон какой итог. ДНР от укров с шахтами отрезать, а Одессу-маму с портом подарить этим гадам. Чтобы продолжали изгаляться над историей, памятниками и русскими людьми. Растили из них нерусей ненавидящих своих предков! Взбудораженный Толик принялся листать новости отыскивая, нет ли здесь ошибки. Натолкнулся на ролик, где укры привезли на обмен плененных курских стариков. Их меняли на пленных вэсэушников молодых, крепких, откормленных в русском плену лбов. Наконец повезло откопать в информационном мусоре продолжение разговора Пескова с Зарубиным. Пресс секретарь президента добавил, что только после этого возможен разговор о прекращении огня и долгих тяжёлых переговорах. Анатолий в витиеватых фразах толком ничего не понял. Решил, что этот попугай Песков, сам плохо соображает, что говорит. Не может Путин Одессу этим неблагодарным хохлам отдать. Он же не Ельцин, который разбазарил русские земли, чтобы его семья за предательство, каталась сегодня как сыр в масле где-то на Ривьере. Гнев потихоньку, на пятой сигарете, стал отпускать. И тут он увидел короткое сообщение от Мани. Мол приехала, дома, отдышусь немного и сразу позвоню. Вот оно, подкрепление его личного любовного фронта. Важнее чего на сегодня нет и быть не может. А он дурак, отвлекается на каких-то попугаев из Кремля. Маня написала в 12.15. Он увидел сообщение без десяти час. Сейчас должна связаться. Анатолий достал очередную сигарету и погрузился в режим ожидания звонка. Время тащилось с черепашьей скоростью, а телефон молчал. Ждал он за обедом, после обеда, и ничего. В 14.20 подумал, что полутора часов, для того чтобы отдышаться, тётке достаточно и решительно набрал видеозвонок в МАХе. Маня не отвечала. Он насчитал 15 долгих сигналов и беспомощно опустился на кровать. Телефон не зарядила? Плохо себя почувствовала после дороги? Хорошо если прилегла и крепко уснула, а если потеряла сознание и лежит там одна одинёшенька. Не дай бог что случиться и тогда вся вина будет исключительно на его совести. Распустил нюни, чтобы Маня сорвалась и прикатила на выручку. Он же не знал, что она после операции, да ещё онкологической. Правильно отец ругался. И его в городе нет, а надо бы поехать на квартиру, проверить всё ли с ней в порядке. Надо просит мать, пусть отправляется на Петроградскую и звонит в домофон. А если никто не откликнется, пусть достаёт соседей и звонит уже напрямую в дверь. Если никто не ответит надо вызывать МЧС. Дверь в этой квартире просто так не откроешь, двойная, помимо двух замков имеется еще массивный крючок изнутри. Проще по лестнице и войти через окно. Лежать и ждать Анатолий не мог. Может песковские откровения так взбудоражили, что мозг стал ждать самого плохого. Он набрал сообщение для мамы. Мол Мария Константиновна приехала из Москвы чтобы его навестить и пропала. Если до вечера не появится, надо ехать на Петроградскую, проверять всё ли в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.